Въ слѣдующемъ отдѣлѣ этого труда будетъ показано, какое положеніе относительно двухъ разобранныхъ системъ приняла третья изъ современныхъ политико-экономическихъ школъ—историко-этическая.

III.

Историко-этическая школа.

I) ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Смерть геніальнаго Давида Рикардо († 1823 г.), завершителя ученія Смита, прекратила прогрессивное развитіе классической экономіи и англійскимъ эпигонамъ до Дж. Стюарта Милля оставалось только систематизировать и популяризировать наслѣдіе великаго шотландца. Англійская политическая экономія, какъ замѣчаетъ В. Рошеръ [1]), въ общемъ утрачиваетъ то господствующее положеніе, которое раньше занимала. Главные представители науки, какъ напримѣръ, Дж. Милль Сеніоръ, пишутъ изящные учебники, въ которыхъ приспособляютъ науку ко вкусамъ образованной публики. Болѣе выдающимся изслѣдователемъ является Тукъ (Took † 1858 г.), написавшій превосходное сочиненіе

[1]) Geschichte d. National-Oekonomie in Deutschland, p. 843.

„History of prices“ („Исторія цѣнъ“ — нѣмецкій переводъ Ашера).

Лучшимъ представителемъ англійской политической экономіи въ нынѣшнемъ столѣтіи является Джонъ Стюартъ Милль († 1873); его „Essays“ (1844 г.) и „Principles of political economy“ (1848 г.)[1]), заключающимъ въ себѣ изслѣдованіемъ соціализма, составляютъ дальнѣйшее развитіе ученія Смита. Среди новѣйшихъ англійскихъ политико-экономовъ особенно выдаются Кернсъ (1815), Джевонсъ (монографія: „Деньги“), Фоусеттъ, Торнтонъ, („Трудъ“ 1869) [2]), изслѣдователь теоріи денежнаго обращенія Маклеодъ [3]), Беджготъ († 1877), Гошенъ, Роджерсъ, Клифъ-Лесли и Ингрэмъ. Послѣдніе являются представителями катедеръ-соціализма въ Англіи [4]).

Во Франціи точно также заслуга представителей буржуазной политической экономіи заключается болѣе въ популяризаціи науки, нежели въ дальнѣйшемъ ея развитіи. Лучшими представителями

---

[1]) Переведено на русскій яз. два раза.

[2]) Переведенъ на русскій языкъ въ 1870 г.

[3]) На русскій языкъ переведено его сочиненіе: «Основанія политической экономіи» 1865 г.

[4]) Объ этомъ болѣе подробно смотри L. Cossa, Einleitung in das Studium der Wirthschaftslehre (на нѣмецкій языкъ переведенъ Moormeister, Freiburgi B. 1880 г.).

этого направленія являются здѣсь Ж. Б. Сэй и Фр. Бастіа († 1850). Реакція противъ системы Смита была здѣсь, какъ мы видѣли, гораздо болѣе сильна, чѣмъ въ Англіи.

Рядомъ съ соціалистами Франція дала и нѣкоторыхъ умѣренныхъ противниковъ экономическаго либерализма, каковы Ганиль и Сисмонди († 1842), котораго Рошеръ [1]) и еще раньше Ейзенгартъ, въ своей глубокой и самостоятельной исторіи политической экономіи (Іена, 1881, pag. 101 ff.), считаютъ основателемъ катедеръ-соціализма.

Изъ новѣйшихъ французскихъ экономистовъ мы, какъ на лучшихъ, укажемъ на Шевалье († 1879), Воловскаго († 1876), извѣстнаго изслѣдователя теоріи биметаллизма Леруа Болье, Курсель-Сенелля, Гарнье и Бодрильяра.

Особенно почетное мѣсто въ новѣйшей исторіи политической экономіи занимаетъ *Италія;* ея политическое возрожденіе въ 1859 году въ значительной степени содѣйствовало развитію этой области знанія. Первое мѣсто между находящимися въ живыхъ итальянскими политико-экономами принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *Angelo Messedaglia*

---

[1]) l. c. p. 845.

изъ Вероны, занимающему съ 1858 г. мѣсто профессора въ падуанскомъ университетѣ, хотя онъ и не обнародовалъ до сихъ поръ обширныхъ изслѣдованій. Его работы по государственному кредиту (1850), по вопросамъ о народонаселеніи (1858 и сл.) и другимъ, принадлежатъ, по свидѣтельству Коссы, къ наиболѣе выдающимся въ наше время. Рядомъ съ нимъ стоитъ *Fedele Lampertico*, извѣстный главнымъ образомъ выдающимся сочиненіемъ „Economia dei Popoli e degli Stati". Извѣстностью пользуются затѣмъ Ferraris, благодаря прекрасной монографіи о деньгахъ, Luzzati, какъ знатокъ промышленныхъ ассоціацій, Cernaschi, слишкомъ ревностный защитникъ системы двойной металлической валюты (Doppelwährung), статистикъ Marpurgo и мн. др. Изученіе нѣмецкой политической экономіи привело и въ Италіи къ страстной борьбѣ послѣдователей Смита и приверженцевъ исторической школы.

Къ катедеръ-соціалистическому направленію въ Италіи принадлежитъ Луиджи Косса, профессоръ павіанскаго университета, одинъ изъ выдающихся современныхъ политико-экономовъ[1]).

Въ очеркѣ нѣмецкой политической экономіи

[1]) Критику сочиненій Коссы см. A. Wagner, Goldschmidts. Zt. f. Handelsrecht, 1879, p. 622 ff.

первымъ долженъ быть названъ К. Г. Рау, который уже въ 1821 г. въ сочиненіи „Ansichten der Volkswirthschaft“ указалъ на необходимость преобразованія этой науки въ двухъ направленіяхъ: „во первыхъ, необходимо тѣснѣе связать заботы о народномъ благосостояніи съ общими положеніями государственныхъ наукъ и изучить внутреннюю связь различныхъ отраслей и формъ промышленности со всѣмъ народнымъ благосостояніемъ; во вторыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо различать то, что является въ немъ общимъ правиломъ, отъ того, что составляетъ его специфическую особенность. Такимъ образомъ уже у Рау мы видимъ въ зародышѣ идею объ *организмѣ*, какъ сущности политической экономіи, и объ *относительности* экономическихъ законовъ и положеній. Работы Рау имѣли огромное практическое значеніе: онъ до настоящаго времени остается главнымъ учителемъ нѣмецкой бюрократіи въ вопросахъ народнаго хозяйства. Для теоріи сдѣлалъ гораздо больше Ф. Б. Германнъ. Его „Staatswirthschaftlichen Untersuchungen“ появившіяся въ 1832 г.), замѣчательны не только тѣмъ, что представляютъ наиболѣе полное развитіе ученія Смита въ Германіи, но и зародыши критическаго къ нему отношенія. Этотъ трудъ не составляетъ цѣль-

ной системы, а касается лишь отдѣльныхъ, особенно важныхъ вопросовъ, но за то эти вопросы разбираются съ силой, напоминающей Рикардо, причемъ Германнъ съумѣлъ избѣгнуть его односторонности.

Германнъ наряду съ эгоизмомъ признаетъ и альтруизмъ руководящимъ началомъ въ наукѣ народнаго хозяйства. Основаніемъ цѣнности и цѣны онъ не считаетъ одинъ только трудъ, но ставитъ ихъ въ зависимость отъ взаимодѣйствія многихъ факторовъ. Наконецъ, Германнъ содѣйствовалъ разъясненію теоріи дохода, опровергнувъ мнѣніе, которое разсматривало потребленіе рабочихъ не какъ конечную цѣль хозяйства, но какъ факторъ производства [1]).

Рядомъ съ Рау и Германномъ дальнѣйшему развитію ученія Смита содѣйствовали два прусскихъ государственныхъ человѣка, не потерявшіе до настоящей поры своего высокаго значенія: Небеніусъ († 1857 г.) и Г. Ж. Гоффманъ († 1847 г.). Первый изъ нихъ содѣйствовалъ образованію таможеннаго союза и извѣстенъ затѣмъ какъ авторъ превосходной монографіи объ общественномъ кредитѣ (1820 и 2 изд. 1826); Гоффманъ же, во первыхъ,

---

[1]) См. также Schmoller, Die Lehre vom Einkommen (Tüb. Zt. 1863).

оказалъ незабвенныя услуги дѣлу правительственной статистики въ качествѣ перваго директора статистическаго бюро, учрежденнаго Штейномъ въ 1805 г.; во вторыхъ, занялъ выдающееся положеніе въ теоретическихъ вопросахъ своими трудами „Lehre vom Geld“ (Ученіе о деньгахъ, 1838), „Von den Steuern“ (О налогахъ 1840)и работами о промышленности. Затѣмъ въ ряду самостоятельныхъ продолжателей ученія Смита выдающееся положеніе занимаетъ фонъ-Тюненъ (J. H. von Thünen † 1850) главнымъ образомъ благодаря своему сочиненію: „Изолированное государство въ его отношеніяхъ къ сельскому хозяйству и политической экономіи, или изслѣдованіе вліянія, которое оказываютъ хлѣбныя цѣны, богатство почвы и пошлины на сельское хозяйство“ [1]). (Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie, oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise, der Reichthum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben 1 auf. 1826, 2 aufl. 1842—1863).

Въ этомъ трудѣ, различныя части котораго имѣютъ неодинаковыя достоинства, фонъ-Тюненъ слѣдуетъ оригинальному научному методу *абстрак-*

---

[1]) Существуетъ русскій переводъ.

ціи. Для болѣе легкаго и простаго объясненія хозяйственныхъ явленій, фонъ-Тюненъ строитъ свои отвлеченія, устраняя всѣ сложные факторы современнаго культурнаго развитія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы показать естественный ходъ развитія сельскаго хозяйства и въ особенности вліяніе разстоянія мѣста сельско-хозяйственнаго производства отъ городскаго рынка, онъ беретъ гипотетическое государство, имѣющее форму круга, съ одинаковой плодородностью почвы и съ однимъ только большимъ городомъ въ центрѣ, къ которому ведутъ обыкновенныя дороги (нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ и т. п.); въ его государствѣ, такимъ образомъ, отсутствуютъ всѣ тѣ факторы, которые оказываютъ вліяніе на современную культурную жизнь и явленія обращенія. Оригинальной чертой изслѣдованія фонъ-Тюнена является подведеніе хозяйственныхъ явленій подъ математическія формулы; примѣромъ можетъ служить его знаменитая формула „естественнаго заработка“ („natürliche Arbeitslohn“) $\sqrt{ap}$, гдѣ a обозначаетъ стоимость содержанія рабочаго, p — продуктъ его труда; заработная плата согласно этой формулѣ есть средняя пропорціональная между a и p).

Весьма характерно для ф. Тюнена, какъ нѣ-

мецкаго ученаго, его теплое отношеніе къ рабочему сословію,—отношеніе, которымъ онъ также опередилъ своихъ современниковъ.

Всѣ эти писатели, какъ ни значительны ихъ отступленія отъ теорій Адама Смита, въ общемъ все еще принадлежатъ къ „буржуазной“ Смитовской политической экономіи. Мы перейдемъ теперь къ экономистамъ совершенно иного направленія, которыхъ можно объединить подъ общимъ названіемъ *„старѣйшей исторической школы“*. Представители этого направленія исходятъ изъ совершенно иныхъ основныхъ положеній о существѣ и цѣляхъ государства и о его хозяйственныхъ задачахъ.

Подобно тому, какъ теорія договора привела и къ крайне индивидуалистическому и къ крайне соціалистическому направленію въ политической экономіи, такъ изъ историко-органической теоріи государства вытекла объективно-органическая, или, какъ ее привыкли называть по примѣру Рошера, *историко-реалистическая школа*. Великая ошибка теоріи общественнаго договора была теоретически раскрыта; самыя явленія исторіи и прежде всего тѣ, которыя сопровождали выросшую изъ разрушительныхъ принциповъ Руссо революцію, ясно показали несостоятельность положеній, ле-

жавшихъ въ основѣ этой теоріи. Естественное право въ своей исходной точкѣ брало человѣка *in abstracto*, совершенно не принимая во вниманіе всего предшествовавшаго *историческаго* развитія. Неправильность этого пріема не могла остаться незамѣченной.

Въ Германіи уже Мозеръ (Justus Möser † 1794) въ своихъ «Патріотическихъ фантазіяхъ» (Patriotische Phantasien) указывалъ на необходимость болѣе глубокаго изученія исторіи. Однако, вполнѣ ясное сознаніе того значенія, которое имѣетъ историческій методъ для правильнаго пониманія вопросовъ права и государства, мы находимъ впервые у англійскаго философа-юриста Э. Берка (Edmund Burke † 1797), въ его сочиненіи „Reflections one the revolutions in France, 1790“ (Размышленія о французскихъ революціяхъ), которое оказало большое вліяніе на зарождавшуюся въ Германіи историческую школу. Burke прежде всѣхъ понялъ неосуществимость (Tragweite) абстрактной теоріи свободы и равенства, провозглашенной французской революціей, и противопоставилъ ей принципъ безпрерывнаго *органическаго* развитія; только тогда могутъ быть удачно выполнены реформы, когда принята во вниманіе вся совокупность историческихъ фактовъ. Хотя въ этомъ сочиненіи и не употреблено

выраженіе „организмъ“, оно все же является превосходнымъ изложеніемъ органическаго взгляда на государство съ его враждебнымъ отношеніемъ ко всякому проявленію произвола индивида, охватывая въ одно цѣлое прошлое, настоящее и будущее въ жизни народа [1]). Однако, Беркъ въ вопросахъ чисто-хозяйственныхъ стоитъ еще на почвѣ ученія Адама Смита, т. е. свободы торговли и ограниченнаго вмѣшательства государства; въ своихъ посланіяхъ къ бристольцамъ онъ предсказываетъ полную свободу торговли, а современныя реформы называетъ лишь слабыми попытками перехода къ этой свободѣ. „Чѣмъ большая свобода будетъ предоставлена торговлѣ,—говоритъ Burke,—тѣмъ больше выгодъ будетъ она приносить. Торговля не является настолько ограниченной, чтобы предметы взаимнаго спроса и потребленія не могли перейти границы нашего рвенія. Теряя въ одномъ мѣстѣ, вы выигрываете въ двадцати другихъ». „Правительство,—думаетъ Burke,—можетъ, правда, предупредить много бѣдствій, но мало въ состояніи сдѣлать положительнаго добра; правительство не въ силахъ принять на себя заботы объ

[1]) Wilhelm Roscher, Die romantische Schule der National—ökonomik in Deutschland въ Tüb. Zeit. für Staatswissenschaften, XXVI p. 59.

удовлетворенiи нашихъ потребностей". Въ концѣ концовъ Беркъ выставляетъ слѣдующее положенiе: „законы торговли суть законы природы, а слѣдовательно, и законы Бога".

Однако, Беркъ, не смотря на эти точки соприкосновенiя съ Адамомъ Смитомъ, далъ толчокъ для борьбы противъ смитiанизма.

Важнѣйшiй трудъ Берка былъ въ 1793 г. переведенъ на нѣмецкiй языкъ Фридрихомъ Гентцемъ; благодаря политическому положенiю и значенiю Гентца, сочиненiе Берка не могло остаться безъ влiянiя [1]). Это влiянiе наиболѣе сильно отразилось на тѣхъ экономистахъ, которыхъ Вильгельмъ Рошеръ объединилъ подъ общимъ названiемъ „романтической школы политической экономiи въ Германiи [2]), названiе вполнѣ удачное въ виду того пристрастiя, которое писатели этой школы, подобно романтикамъ въ литературѣ, выказывали къ средневѣковымъ формамъ общежитiя. Главными представителями этой школы являются Адамъ Мюллеръ (Adam Müller † 1820) и К. Л. фонъ-Галлеръ (K. L. von Haller † 1854). Первый изъ нихъ особенно извѣстенъ своей рѣз-

---

[1]) Подробнѣе о немъ смот. Roscher l. c. p. 65 ff.

[2]) Tüb. Ztschr. XXVI, p. 57 ff. и его Geschiche der Nationalökonomie in Deutschland.

кой критикой Адама Смита, преимущественно въ своихъ „Elemente der Staatskunst“. Мюллеръ упрекаетъ Смита въ томъ, что онъ впалъ въ односторонность, такъ какъ при построеніи своей системы принималъ во вниманіе только *англійское* хозяйство съ преобладающимъ капиталистическимъ строемъ и обиліемъ большихъ городовъ. Далѣе Мюллеръ обвиняетъ Смита въ томъ, что онъ разсматриваетъ человѣческія дѣла только съ точки зрѣнія частной выгоды и совершенно упускаетъ изъ виду органическій характеръ государства и народнаго хозяйства; ученіе Смита,—говоритъ Мюллеръ,—приводитъ къ матеріализму, такъ какъ оно считаетъ цѣлью всякаго хозяйства накопленіе предметовъ, обмѣна т. е. производство, а не потребленіе. Всякое богатство,—такъ разсуждаетъ Мюллеръ,—находится или въ состояніи живой силы или въ состояніи живаго имущества (lebendiges Vermögen); живымъ же имущество является лишь постольку, поскольку оно участвуетъ въ непрерывномъ обмѣнѣ между трудомъ и потребностями. Идеѣ полной свободы торговли Мюллеръ противопоставляетъ идею національности и потребностей націи. „Попытки поддержать національное производство окажутся тщетными, если нѣтъ соотвѣтствующихъ потребностей врутри страны или внѣ ея“.

Мюллеръ считаетъ политическую экономію такимъ же посредническимъ искусствомъ, какъ и всякое другое; „ея задача заключается въ томъ, чтобы привести въ равновѣсіе національный спросъ или націю, какъ *покупателя* съ націей, какъ *продавцемъ*". Адамъ Смитъ могъ, полагаетъ Мюллеръ, не обратить вниманія въ своемъ трудѣ на это требованіе, такъ какъ онъ видѣлъ въ Англіи гармонію между производствомъ и потребленіемъ, мы же, нѣмцы, у которыхъ ея нѣтъ, не имѣемъ права слѣдовать примѣру Адама Смита. Исходя изъ этого положенія, Мюллеръ высказывается также въ пользу покровительственныхъ пошлинъ и другихъ ограниченій свободной конкурренціи.

Признавая эти разсужденія вполнѣ правильными, нельзя не замѣтить, однако, что Мюллеръ слишкомъ часто бьетъ дальше цѣли. Крайности сходятся. Теологическія средневѣково-феодальныя тенденціи лишаютъ трудъ Мюллера болѣе обширнаго значенія, чѣмъ только плодотворный толчокъ къ созданію органической школы.

Именно въ этомъ отношеніи выше стоитъ Галлеръ. Въ своемъ главномъ сочиненіи „Restauration der Staatswissenschaften" (1816) (Возрожденіе государствовѣдѣнія), онъ успѣшно опровергаетъ

теоріи естественнаго состоянія и общественнаго договора.

Образованію и развитію историческаго взгляда въ политической экономіи содѣйствовали перевороты въ философіи права и *успѣхи національной исторіографіи въ Германіи*.

Началомъ возрожденія національной нѣмецкой исторіи является, какъ извѣстно, колоссальное изданіе Monumenta Germaniae historica, составляющее безсмертную заслугу нашего государственнаго мужа и патріота Карла фонъ Штейна [1]).

Онъ, впрочемъ, имѣлъ предшественниковъ, таковы: Heeren со своей главной работой „Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmster Völker der alten Welt", Eichhorn со своимъ сочиненіемъ „Deutsche Staats—und Rechtsgeschichte" иглавнымъ образомъ B. G. Niebuhr. Въ своихъ лекціяхъ по римской исторіи *Нибуръ* стоитъ на точкѣ зрѣнія тѣсно связанной съ политической экономіей. Историческіе факты онъ объяснялъ экономическими причинами (которыя у Ѳукидида носятъ названія chremata), что въ свою очередь должно было благотворно повліять на развитіе политической эконо-

[1]) См. мое сочинені: «Der Freiherr von Stein und die *Monumenta Germaniae historica*, Berlin, Weber, 1875.

міи. На ряду съ великимъ историкомъ мы должны поставить великаго философа Гегеля; если онъ очень мало сдѣлалъ собственно въ дѣлѣ разработки политической экономіи, его попытки, напр., построенія теоріи цѣнностей, очень неудачны, то все же его идеи благотворно вліяли на развитіе этой науки. Одно его опредѣленіе политической экономіи, какъ науки, „стремящейся постигнуть строй (систему) потребностей въ ихъ разумности" — является живымъ протестомъ сравнительно съ прежнимъ матеріальнымъ направленіемъ, почти игнорировавшимъ людей.

Но самое сильное вліяніе на преобразованіе теоріи политической экономіи оказали въ Германіи *экономическія* и политическія *событія*.

Подавляющее вліяніе французской революціи на всю Европу послужило къ укорененію идей Смита всюду, даже въ правительственной практикѣ. Республиканскія и императорскія войска всюду водворяли законы и учрежденія новой эры. Казалось, рушились всѣ преграды, политическія и экономическія, раздѣлявшія отдѣльныя націи. Но еще во время владычества Наполеона наступила реакція; самъ императоръ началъ борьбу противъ тѣхъ политическихъ идей, которыя помогли ему добиться

трона [1]). Во всѣхъ подвластныхъ Франціи или зависимыхъ отъ нея странахъ съ непреодолимою силою проснулось сознаніе національной особности и независимости. Уже раньше того континентальная система Наполеона привела въ Англіи къ весьма важнымъ экономическимъ послѣдствіямъ. Эта страна, ввозившая къ себѣ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія сырые продукты континентальныхъ странъ въ огромномъ количествѣ, именно, хлѣбъ съ 1773 г., увидѣла себя вдругъ предоставленной самой себѣ; посредствомъ покровительственныхъ пошлинъ она старалась развить собственное производство сырья, чтобы стать въ этомъ отношеніи независимой отъ континента и такимъ образомъ закрыла для него свой рынокъ. Въ то же время масса мануфактурныхъ товаровъ, накопившихся въ Англіи въ послѣдніе годы войны, наводнила континентальные рынки и грозила, благодаря страшно низкимъ цѣнамъ, подорвать нѣмецкую и французскую промышленность. Нашествіе французскихъ войскъ смѣнилось побѣдоноснымъ вторженіемъ англійскихъ фабрикатовъ.

Изо всѣхъ европейскихъ государствъ, Англія употребила, можетъ быть, наибольшія усилія для

[1]) *Knies*, Die politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Mettode. 2 Aufl., passim.

низверженія Наполеона, но за то она и получила, въ видѣ военной добычи, нераздѣльное господство надъ всѣми морями. Ей предстояло не только удержать эти завоеванія, но и возмѣстить денежныя жертвы, ею принесенныя. Практичная Англія поняла, что обѣ эти задачи могутъ быть выполнены только при помощи усиленной фабричной дѣятельности, которая доставила бы ей монополію на всемірномъ рынкѣ. Англійская промышленность, еще при господствѣ континентальной системы, достигла, благодаря машинамъ, необыкновенныхъ размѣровъ. Теперь же, когда европейскія гавани были снова открыты, огромныя массы англійскихъ фабрикатовъ устремились на нѣмецкій и другіе иностранные рынки; товары сбывались по цѣнамъ, которыя не покрывали даже и издержекъ производства; такимъ путемъ, однако, Англія достигла блестящихъ результатовъ: иностранные государства были пріучены къ употребленію англійскихъ товаровъ и туземная фабричная дѣятельность была убита въ самомъ зародышѣ [1]). Торговыя законодательства Франціи, Австріи и Россіи вступили въ борьбу съ этой политикой Англіи; Германія же была ли-

[1]) *Nebenius*, Denkschrift über den Beitritt Badens zum Zollverein. *W. Weber*, Der Deutsche Zollverein, 2 Auflage, Leipzig, 1871.

шена единства таможенной системы. Мы уже выше показали, въ какомъ положеніи находился вопросъ о единствѣ обращенія въ предѣлахъ одной только Пруссіи.

То же самое происходило и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. При всеобщей неурядицѣ, господствовавшей въ обложеніи товаровъ пошлинами, нигдѣ не могла образоваться стройная таможенная система: преслѣдовались однѣ только фискальныя цѣли; большинство нѣмецкихъ правительствъ не обращало никакого вниманія на потребности народнаго хозяйства [1]). Такимъ образомъ болѣе всего терпѣть отъ англійской спекуляціи приходилось Германіи. Не стѣсненные никакими, или очень незначительными пошлинами, британскіе товары наводняли всѣ ея рынки. Промышленность Германіи, уже ослабленная предшествовавшими годами войны, не была достаточно развита, чтобы выдержать подобную конкурренцію. Недоставало кредита, капитала и техническихъ знаній, а въ особенности возможности легко получать сырье. Это бѣдственное состояніе, грозившее убить нѣмецкую промышленность, наиболѣе

---

[1]) *Festenberg-Packisch*, Geschichte des Zollvereins (Leipzig, 1869). Книга эта можетъ также служить для ознакомленія и съ болѣе раннимъ періодомъ.

обострилось между 1817 и 1820 годами, когда наступившая дороговизна, сковывая силы отдѣльныхъ лицъ, подрывала всякую предпріимчивость. „Повсюду въ нѣмецкой торговлѣ и промышленности,—такъ рисуетъ положеніе дѣлъ Веберъ,—господствовали застой и регрессъ; фабрики, одна за другой, закрывались, отдѣльные промышленники, лишенные прежняго сбыта, все болѣе и болѣе сокращали свое производство, въ то же время отливъ нѣмецкихъ денегъ увеличивался въ ужасающихъ размѣрахъ. Правительства болѣе мелкихъ государствъ, если и понимали зло, не обладали ни умѣньемъ, ни средствами его остановить и были къ тому же слишкомъ заняты политическими событіями. Англійскіе хлѣбные законы, направленные къ охраненію интересовъ сельскаго хозяйства, еще усилили зло, сдѣлавъ болѣе затруднительнымъ самый естественный способъ расплаты за англійскіе товары, расплату посредствомъ нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Эти-то обстоятельства послужили основаніемъ для теорій Фридриха Листа, съ котораго собственно только и начинается въ Германіи разцвѣтъ новаго направленія науки о хозяйствѣ въ теоріи и на практикѣ. Остановимся нѣсколько на внѣшнихъ

обстоятельствахъ жизни этого замѣчательнаго человѣка [1]).

Листъ, сынъ уважаемаго кожевенника, родился въ августѣ 1789 года въ г. Рейтлингенѣ въ Виртембергѣ. Въ качествѣ виртембергскаго правительственнаго чиновника — Листъ занималъ мѣсто старшаго ревизора въ чинѣ Rechnungsrath'a — онъ во время борьбы за преобразованіе государственнаго строя, начатой реформаціоннымъ министерствомъ Вагенгейма, отдался ей всею душой. Въ 1817 году онъ получилъ въ Тюбингенѣ каѳедру практическаго государствовѣдѣнія, учрежденную единственно для того, чтобы уничтожить рутинное бумажное дѣлопроизводство того времени и поставить это дѣло на научную почву. Послѣ паденія Вагенгейма (въ концѣ 1817 г.), Листъ сталъ въ рѣзкую оппозицію съ правительствомъ, вслѣдствіе чего въ 1819 г. былъ лишенъ каѳедры. Во время его поѣздки въ Геттингенъ, весною 1819 г., нѣсколько купцовъ и фабрикантовъ обратились къ нему съ просьбою составить отъ ихъ имени петицію въ союзное собраніе (Bundesversammlung)

---

[1]) *Roscher*, Geschichte der Nationaloekonomie, p. 970 ff. Въ настоящее время см. въ особенности: *Eheberg*, Das nationale System der politischen Oekonomie von Fridrich List, 7 Aufl. съ историческимъ и критическимъ введеніемъ. Stuttgart, 1883.

объ уничтоженіи внутреннихъ таможень; порученіе это было Листу тѣмъ болѣе по душѣ, что онъ самъ уже давно лелѣялъ эту мысль [1]). Онъ пошелъ еще далѣе и 18 апрѣля 1819 г. основалъ, „нѣмецкій торговый и промышленный союзъ“ (Deutscher Handels und Gewerbeverein), въ совѣтники котораго и былъ выбранъ. „Листъ понялъ,—говоритъ Eheberg,—что причину экономическихъ бѣдствій Германіи составляетъ ея разъединенность. Съ того времени всѣ его усилія были направлены къ приведенію Германіи къ экономическому единству. Во время засѣданія въ Вѣнѣ конгресса нѣмецкихъ государствъ, Листъ впродолженіи пяти мѣсяцевъ безъ устали работалъ надъ составленіемъ мемуаровъ, газетныхъ статей, надъ проведеніемъ своихъ мнѣній, и дѣятельно поддерживалъ личныя сношенія. Онъ основалъ журналъ Organ für Deutschen Handels und Gewerbestand, „Органъ нѣмецкаго торговаго и промышленнаго сословія“ (іюнь 1819), котораго главную силу онъ составлялъ: большая часть статей, и притомъ самыя выдающіяся, принадлежали ему. Многія изъ этихъ работъ, каковы, напр., статьи о необходимости всеобщаго промышленнаго законодательства, о патентахъ на изобрѣтенія, объ

---

[1]) См. *Петицію* (Eingabe) въ полномъ собраніи соч. Листа Ludwig Häusser'a, II, p. 15 и сл.

единствѣ почты и т. п., до сихъ поръ не утратили своего значенія для Германіи, указывая на средства, которыми можно содѣйствовать ея экономическому развитію. Во всѣхъ его планахъ исходною точною была мысль объ иниціативѣ Союза или—и въ этомъ заключается его основная ошибка—мысль о гегемоніи Австріи.

Листъ сдѣлалъ необыкновенно много для созданія нѣмецкаго таможеннаго союза, подготовивъ почву для этого учрежденія. Его враждебныя отношенія къ Вюртембергскому правительству еще обострились послѣ того, какъ Листъ вступилъ во вторую палату ландтага (1820) и обратился къ своимъ избирателямъ въ Рейтлингенѣ съ адресомъ, въ которомъ въ сильныхъ, но вовсе не оскорбительныхъ, а тѣмъ менѣе преступныхъ выраженіяхъ выставилъ различныя требованія. По настоянію правительства Листъ былъ удаленъ изъ ландтага и приговоренъ къ десяти-мѣсячному тюремному заключенію; часть этого срока онъ дѣйствительно высидѣлъ въ Гогенаспергѣ. Великаго политика-эконома одно время заставляли переписывать военные приказы! Остальная часть наказанія была съ него сложена съ условіемъ оставить родину; но Листъ не могъ избавиться отъ преслѣдованій Вюртембергскаго правительства ни въ Баденѣ, ни въ Швейцаріи и Фран-

ціи; онъ, наконецъ, рѣшился эмигрировать въ Америку. 10 іюня 1825 г. Листъ высадился въ Нью-Іоркской бухтѣ. Онъ тотчасъ направился въ Филадельфію къ Лафайетту, который его туда пригласилъ, и сопровождалъ этого послѣдняго въ его тріумфальномъ путешествіи по Соединеннымъ Штатамъ. Благодаря рекомендаціямъ Лафайетта, Листъ повсюду знакомился съ выдающимися людьми, и такимъ образомъ изучалъ положеніе дѣлъ въ Америкѣ. „Лучшій источникъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія объ этой новой странѣ",—говорится въ предисловіи къ его „Національной Системѣ", — „есть сама жизнь". Во время пребыванія Листа въ Америкѣ, въ немъ укрѣпилось то критическое отношеніе къ Адаму Смиту, которое было сильно въ немъ еще въ первые годы его общественной дѣятельности въ Германіи. Легко понять, какъ благотворно должно было подѣйствовать на пробужденіе и развитіе дремавшаго въ немъ историческаго взгляда пребываніе въ странѣ, гдѣ онъ могъ наблюдать одну подлѣ другой самыя различныя степени культуры, начиная съ дѣвственныхъ лѣсовъ и кончая большими городами, и гдѣ каждое нововведеніе совершалось почти подобно физическому опыту совершено свободно, у всѣхъ на виду. Вліятельные государственные люди поощряли Листа въ его

научныхъ занятіяхъ; президентъ „Пенсильванскаго общества для развитія промышленности“ Ингерсоль особенно побуждалъ его обнародовать свои воззрѣнія на главнѣйшіе вопросы свободы торговли и покровительственнаго тарифа. Листъ сдѣлалъ это въ своихъ 12 письмахъ, которыя являются основою его „національной системы“. Улучшилось также и матерьяльное положеніе Листа, послѣ того какъ онъ, во время прогулки по горамъ, случайно открылъ богатыя залежи каменнаго угля. Со свойственною ему практичностью, онъ оставилъ на время свои литературныя занятія и бросился въ поиски за капиталистами, которые согласились бы купить и разрабатывать залежи; поиски увѣнчались успѣхомъ. Заманчивая мысль возможно выгоднѣе, сбывать уголь, прибѣгнувъ къ заселенію мѣстности и развитія путей сообщенія, заставила его углубиться въ изученіе желѣзнодорожнаго дѣла. Въ то время, когда едва можно было представить себѣ колоссальную будущность желѣзныхъ дорогъ, когда желѣзнодорожное дѣло находилось еще въ зародышѣ, а заслуги Стефенсона не были единодушно оцѣнены даже соотечественниками великаго изобрѣтателя, у Листа впервые возникаетъ мысль о созданіи посредствомъ желѣзныхъ дорогъ національной системы передвиженія. Такъ какъ онъ, не смотря

на всѣ несправедливости, которыя претерпѣлъ на родинѣ, никогда, однако, не забывалъ ея, то ему и тутъ тотчасъ же пришла мысль примѣнить желѣзнодорожное дѣло къ мѣстнымъ условіямъ Германіи: „Среди дикой природы Голубыхъ горъ“, писалъ онъ впослѣдствіи, „я мечталъ о сѣти желѣзныхъ дорогъ для Германіи. Мнѣ было ясно, что только такимъ путемъ можетъ быть достигнуто полное единство въ торговлѣ. Эти мысли сдѣлали меня въ одно и то же время счастливымъ и несчастнымъ; было очевидно, что финансовой и хозяйственной дѣятельности Германіи предстоитъ особенно широкое развитіе, въ виду несоотвѣтствія существовавшихъ въ то время средствъ передвиженія съ культурнымъ развитіемъ, состояніемъ промышленности и значеніемъ націи. Американскіе государственные люди, и прежде всего президентъ штатовъ, генералъ Джэксонъ, пожелали воспользоваться талантомъ Листа въ интересахъ американской торговой политики; ему предложили мѣсто консула въ Гамбургѣ, но сначала онъ долженъ быть представить возможно ясную картину торговыхъ отношеній между Америкой и Франціей. Такимъ образомъ Листъ въ ноябрѣ 1830 г. снова вернулся въ Европу, съ твердымъ намѣреніемъ продолжать съ новою силой посредствомъ литературы и практической дѣятельности борьбу

съ англійскою промышленною монополіей, содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній между Франціей и Соединенными Штатами, составить нѣсколько проектовъ проведенія желѣзныхъ дорогъ во Франціи, и въ особенности въ Германіи, лучше организовать дѣло переселенія изъ Германіи въ Сѣверную Америку и пр. Однако, послѣ того какъ гамбургскій сенатъ заявилъ протестъ противъ назначенія гамбургскимъ консуломъ „демагога" и американскій сенатъ отказался утвердить его назначеніе, Листъ, послѣ довольно продолжительнаго путешествія по Франціи, Бельгіи и Германіи, во время котораго подвергался нѣкоторымъ непріятностямъ, возвратился въ концѣ октября 1831 г. въ Америку. Но дѣятельность послѣдняго года, публицистическія работы во Франціи и близкія отношенія его къ Allgemeine Zeitung до того погрузили Листа въ европейскія дѣла, что его снова потянуло въ отечество, не смотря на всѣ непріятности прошлаго. Въ своихъ научныхъ работахъ онъ, по его собственнымъ словамъ, всегда имѣлъ въ виду свое нѣмецкое отечество. И такъ, въ январѣ 1832 года онъ съ семьей навсегда возвратился въ Германію. Здѣсь начинается второй періодъ его жизни, продолжающійся отъ 1832 до 1849 г., періодъ, которому онъ и обязанъ своей славой.

Отнынѣ главною цѣлью Листа становится развитіе нѣмецкаго таможеннаго союза и проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Германіи; для достиженія этихъ цѣлей онъ началъ тотчасъ послѣ своего возвращенія дѣятельную пропаганду. Въ Гамбургѣ, гдѣ въ то время духъ предпріимчивости, казалось, былъ совсѣмъ убитъ, осмѣяли его проекты. Убѣжденный въ томъ, что въ Саксоніи его дѣятельность принесетъ болѣе скорые и несомнѣнные результаты, онъ поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ къ тому-же ему было дано мѣсто американскаго консула. Только здѣсь дѣятельность его на пользу родины становится успѣшною. Правда, и въ Лейпцигѣ на его смѣлые проекты сначала смотрѣли какъ на воздушные замки, однако, мало по малу его идеи брали верхъ, и за ихъ осуществленіе взялось даже одно общество, состоявшееся изъ купцовъ, банкировъ и ученыхъ. Въ необыкновенно краснорѣчивой брошюрѣ: „Ueber ein sächsisches Eisenbahnsystem als Grundlage eines allgemeinen deutschen Eisenbahnsystems“ (о сѣти саксонскихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ основаніи обще-германской желѣзнодорожной системы) и въ особенности въ брошюрѣ: „Ueber die Anlage einer Eisenbahn von Leipzig nach Dresden“ (о проведеніи желѣзной дороги между Лейпцигомъ и Дрезденомъ), Листъ

рисуетъ яркую картину желѣзнодорожной системы изъ Германіи, системы, дѣйствительно которая осуществилась впослѣдствіи. Между тѣмъ Листъ не получалъ никакого матеріальнаго вознагражденія за огромную затрату времени и труда; наконецъ ему дали 2000 таллеровъ въ видѣ „почетнаго подарка". Тогда онъ основалъ желѣзно-дорожный журналъ, который, благодаря своему богатому содержанію и талантливому обсужденію многихъ сложныхъ и щекотливыхъ вопросовъ, получилъ въ скоромъ времени большое распространеніе и могъ-бы сдѣлаться для Листа постояннымъ источникомъ дохода, еслибы журналъ этотъ не былъ, на первыхъ же порахъ, запрещенъ въ Австріи. Вскорѣ затѣмъ на этого многострадальнаго человѣка обрушились новыя бѣдствія; вслѣдствіе денежнаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ онъ потерялъ большую часть добытаго имъ тамъ состоянія. Ему снова пришлось возвратиться въ Вюртембергъ, гдѣ онъ скоро хорошо понялъ, что король еще не примирился съ нимъ; онъ былъ признанъ иностранцемъ и пребываніе въ королевствѣ было ему разрѣшено только подъ условіемъ благонамѣреннаго поведенія. Листъ не пожелалъ остаться въ своемъ отечествѣ при такихъ обстоятельствахъ и снова уѣхалъ въ Саксонію. Здѣсь онъ опять занялся желѣзнодорожными

предпріятіями и изданіемъ своего желѣзнодорожнаго журнала. Однако, Листу, за всѣ его труды, отплатили невѣроятною неблагодарностью; пересказъ всѣхъ несправедливыхъ нападокъ и насмѣшекъ, которымъ онъ подвергся въ Лейпцигѣ, наполняетъ самыя безотрадныя изъ многочисленныхъ безотрадныхъ страницъ Гейссеровской біографіи Листа. Начиная съ лѣта 1840 года, послѣ поѣздокъ въ Парижъ и въ Брюссель, Листъ посвящаетъ себя исключительно научнымъ занятіямъ по исторіи и политической экономіи. Плодомъ этихъ занятій было появленіе въ 1841 г. его Національной системы политической экономіи, положившей начало его славѣ. Листъ былъ творческая натура; незначительнаго повода было достаточно для того, чтобы и Листъ увлекался какимъ-либо предметомъ и отдавался ему со всею энергіей; его всегда привлекали къ себѣ великіе и общіе вопросы; къ сожалѣнію, онъ не получилъ солиднаго образованія; онъ никогда систематически не предавался систематическимъ штудіямъ; немногіе годы, проведенные имъ на государственной службѣ, не могли пробудить въ немъ сознаніе своего призванія Листъ былъ, въ сущности, самоучка и, въ качествѣ таковаго, обладалъ всѣми преимуществами и недостатками этого способа образованія; онъ отличался воспріимчивостью и изуми-

тельнымъ богатствомъ идей, но ему не доставало соотвѣтственной школы, которая дала-бы ему возможность сдѣлаться первоклассным писателемъ; его энергія, его краснорѣчіе, его любовь къ родинѣ могли-бы обезпечить ему блестящіе успѣхи въ практической государственной дѣятельности, еслибы при всѣхъ этихъ качествахъ онъ обладалъ соотвѣтственнымъ умомъ, въ обыденномъ смыслѣ слова. Глубоко-трагическое зрѣлище представляетъ намъ тотъ фактъ, что человѣкъ съ такой громадной силой и способностями, отъ природы обладавшій столь свѣжимъ умомъ и жизненной бодростью, и которому такъ мало недоставало до совершенства, именно въ вилу недостатка этого малаго, приходитъ постепенно послѣ безпокойной борьбы къ мрачной мысли о самоубійствѣ (30 ноября 1846 г.); мрачному настроенію его передъ смертью способствовалъ, безъ сомнѣнія, тяжелый физическій недугъ, обнаруженный при вскрытіи. Если-бы Листъ прожилъ еще хоть два года, онъ былъ-бы свидѣтелемъ начала постепенной побѣды почти всѣхъ его юношескихъ идеаловъ, подготовленіе которыхъ было главнымъ дѣломъ его жизни; самогоже Листа можно признать за одного изъ главнѣйшихъ работниковъ въ этомъ дѣлѣ. „При его глубокомъ пониманіи исторіи,—замѣчаетъ Рошеръ,—

отъ него не могло ускользнуть, что даже реакція 1849 года была лишь временною задержкою".

Когда въ 1841 г. явилась въ свѣтъ Національная система политической экономіи, появленіе ея не было неожиданностью и почва для нея была подготовлена пропагандою, которую Листъ велъ еще съ 1838 года въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ. Такъ, въ Constitutionel (1839), въ статьѣ, озаглавленной „Политическая экономія передъ судомъ исторіи", онъ разобралъ вопросъ объ отношеніи англійской теоріи свободы торговли къ тогдашней торговой практикѣ Англіи; затѣмъ въ „Allgemeine Zeitung" и позже въ журналѣ „Deutsche Vierteljahrsschrift" онъ писалъ статьи, которыя находились въ связи съ главной идеей его сочиненія. Англійскія хлѣбныя пошлины были ближайшимъ поводомъ къ обнародованію его политико-экономическихъ воззрѣній на свободу торговли и на покровительственныя пошлины. Въ мартѣ 1839 г. въ Allgemeine Zeitung появилась его статья „Объ англійскомъ хлѣбномъ биллѣ и нѣмецкой покровительственной системѣ Въ Deutsche Vierteljahrschrift за 1840 г. помѣщена его статья „О сущности и достоинствахъ національной промышленной дѣятельности", а также другая статья „О политической экономіи съ исторической точки зрѣнія", ко-

торыя также заключаютъ въ себѣ отрывки изъ его „Національной системы". Подобно тому, какъ всѣ недостатки, которые Листъ находитъ въ ученіи Адама Смита могутъ быть формулированы тремя словами: космополитизмъ, матерьялизмъ, и индивидуализмъ такъ-же точно и все содержаніе труда самого Листа можетъ быть характеризовано словами: національность, поднятіе производительныхъ силъ, покровительственныя пошлины. Въ основу своей системы Листъ кладетъ идею о *націи* и *національности*. Между личностью и человѣчествомъ, говоритъ Листъ, стоитъ нація, съ ея особенностями въ языкѣ и литературѣ, въ происхожденіи и исторіи, въ обычаяхъ и привычкахъ, законахъ и учрежденіяхъ, съ ея стремленіями къ самостоятельному существованію и къ самосовершенствованію; она подобна организму, который, сплетеніемъ тысячи однородныхъ стремленій и интересовъ, соединенъ въ самостоятельное и живое цѣлое. Поэтому первою обязанностью правительства должна быть забота о развитіи національности и вся хозяйственная жизнь народа, всѣ частные хозяйственные интересы должны быть подчинены политической цѣли національнаго единства. Должно существовать гармоническое взаимодѣйствіе между хозяйствомъ, съ одной стороны, и

духовной и политической культурой — съ другой. Чѣмъ болѣе развито хозяйство народа, тѣмъ цивилизованнѣе и могущественнѣе нація, и чѣмъ выше ея культура и могущество, тѣмъ легче становится для нея ея хозяйственное развитіе. Поэтому національное богатство, по Листу, заключается не въ *количествѣ* мѣновыхъ цѣнностей, но въ *многосторонности производительныхъ силъ*, въ ихъ устойчивости и равновѣсіи. Особенно необходимо равномѣрное развитіе трехъ главныхъ производительныхъ силъ націи: *земледѣлія, промышленности и торговли*. Промышленность есть та сила, которая оказываетъ наибольшее воздѣйствіе на все развитіе націи. Она не только поднимаетъ остальныя хозяйственныя силы, земледѣліе и торговлю и лежащія въ ихъ основѣ силы природы, труда и капитала, но также въ сильнѣйшей степени служитъ побужденіемъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, къ свободѣ и къ образованію, и дѣлаетъ націю экономически и политически независимой отъ другихъ государствъ. Чисто земледѣльческая страна никогда не въ состояніи сдѣлать значительныхъ успѣховъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи; она остается въ зависимости отъ другихъ народовъ, никогда не можетъ сама опредѣлить раз-

будетъ правильнѣе предположить
о промышленность обусловливается
развитіемъ науки

мѣры своего производства, но должна выжидать, сколько другія захотятъ у нея купить.

Всѣ народы умѣреннаго климата проходятъ черезъ четыре ступени экономическаго развитія: сперва развивается *земледѣліе* благодаря ввозу иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній и вывозу туземныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и сырья. Затѣмъ *возникаетъ туземная промышленность на ряду съ ввозомъ иностранныхъ фабрикатовъ*. Въ слѣдующемъ періодѣ *туземные* фабрикаты наполняютъ весь *внутренній рынокъ* и, наконецъ, въ четвертомъ періодѣ начинается *вывозъ* туземныхъ *фабрикатовъ наряду съ ввозомъ* иностранныхъ *сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и сырья*. Для каждаго перехода съ одной ступени на другую необходимы извѣстныя условія и наличность нѣкоторыхъ данныхъ и *задача государства* заключается въ томъ, чтобы довести народъ до наивысшей ступени экономическаго развитія воспользовавшись всѣми наличными данными, и такимъ образомъ сдѣлать для него возможнымъ вступленіе въ будущій всемірный хозяйственный союзъ. Чѣмъ болѣе развивается хозяйство націи, тѣмъ болѣе должно расширяться поле дѣятельности для законодательства и администраціи государства. Наука о народномъ хозяйствѣ имѣетъ

задачей указывать на средства, при помощи которыхъ это *воспитаніе* нами должно совершаться: она является политико-экономической педагогикой. При помощи исторіи и разума, она дѣлаетъ тотъ выводъ, что *каждая нація должна начинать съ свободы торговли*, чтобы черезъ сношенія съ богатыми, культурными, промышленными народами достигнуть созданія собственной мануфактуры. Когда въ ней такимъ образомъ появится собственная промышленность, должна быть введена покровительственная система, чтобы дать возможность промышленнымъ силамъ достигнуть полнаго развитія; и когда нація, наконецъ, станетъ превосходить въ этомъ отношеніи другія страны, тогда дѣлается необходимымъ возвращеніе къ свободѣ торговли. Покровительственныя пошлины, говоритъ Листъ, правда, на время возвышаютъ цѣны туземныхъ мануфактурныхъ продуктовъ, впослѣдствіи благодаря внутренней конкурренціи, цѣны эти должны тѣмъ сильнѣе упасть. Хотя нація и теряетъ при этомъ извѣстное количество цѣнностей, но эта потеря возмѣщается увеличеніемъ производительныхъ силъ, которыя ставятъ ее въ возможность на будущее время производить неисчислимыя количества цѣнностей. Потеря цѣнностей есть только одинъ изъ моментовъ промышленнаго вос-

питанія націи. Однако, покровительственный тарифъ не долженъ *изолировать* націю и такимъ образомъ разомъ исключать возможность иностранной конкурренціи; онъ, напротивъ, долженъ возвышаться лишь постепенно по мѣрѣ увеличенія духовнаго и матерьяльнаго капитала техническихъ усовершенствованій и развитія въ ней духа предпріимчивости. Для Германіи Листъ требовалъ послѣдовательнаго проведенія покровительственной системы, распространенія таможеннаго союза до морскихъ береговъ, созданія нѣмецкаго флота и навигаціоннаго акта.

Одни сравнивали Листа съ Бёркомъ, называли его Лютеромъ въ политической экономіи, другіе считали его невѣжественнымъ шарлатаномъ. Оба эти мнѣнія служатъ только доказательствомъ односторонности литературныхъ и общественныхъ партій, образовавшихся въ пользу и противъ идей Листа. Но самый фактъ возникновенія этихъ партій, замѣчаетъ Бруно *Гильдебрандтъ* въ своемъ, къ сожалѣнію, неоконченномъ трудѣ Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft (1848 г.), котораго мы исключительно придерживались въ предъидущемъ изложеніи, слѣдуетъ уже признать за доказательство большаго значенія Листа. Онъ былъ первымъ политико-экономомъ, который при-

далъ наукѣ значеніе народнаго дѣла, былъ выразителемъ глубоко разумнаго стремленія своего времени къ національной хозяйственной независимости, выдвинулъ народные хозяйственные интересы и создалъ народныя партіи и вдохнулъ во всю нѣмецкую промышленность общее стремленіе къ достиженію великой національной задачи; онъ первый пропагандировалъ идею развитія промышленности; онъ былъ первымъ защитникомъ промышленности и народнымъ ораторомъ; односторонній, не глубокій, увлекающійся и, въ сущности, повторявшій на тысячи ладовъ одну и ту же мысль, онъ былъ все-же благодѣтелемъ нѣмецкаго народа.

„Въ дѣлѣ промышленнаго развитія, говоритъ Книсъ, Листъ до сихъ поръ сохраняетъ свое величайшее значеніе. Съ него начинается расколъ въ третьемъ сословіи, восторжествовавшемъ посредствомъ революціи: противопоставленіе фритредерскимъ интересамъ торговаго сословія—интересовъ промышленниковъ, которое всего лучше охарактеризовалось лозунгомъ: здѣсь—*покровительственныя пошлины*, тамъ—*свобода торговли!* Каждая изъ этихъ системъ покровительствуетъ одной изъ двухъ противоположныхъ силъ, служащихъ рычагами всего хозяйственнаго развитія: одна система содѣйствуетъ національной промышленной дѣятель-

ности, другая — космополитической дѣятельности торговаго сословія. Обѣ эти системы въ корнѣ непримиримы. Онѣ въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній настолько-же противоположны, какъ идеализмъ и реализмъ, и искусной хозяйственной политикѣ предстоитъ единственная задача: найти тайну уравновѣшаннаго, гармоническаго соединенія этихъ противоположностей, насколько оно вообще достижимо. Имѣя это въ виду, можно всю великую эпоху прусско-германской торговой политики съ 1818 года до образованія таможеннаго союза, даже далѣе—вплоть до ближайшаго прошлаго, охарактеризовать какъ политику стремленія къ такому уравновѣшенію. Только въ послѣднее десятилѣтіе перевѣсъ склонился на сторону свободы торговли, вслѣдствіе чего было нарушено равновѣсіе; пока, наконецъ, не наступила реакція. Безъ сомнѣнія и эта фаза будетъ смѣнена новой, однако, всегда эти два старыхъ противника будутъ во всеоружіи стоять другъ противъ друга: успѣху живаго національнаго самосознанія всегда будетъ противопоставляться успѣхъ идеи космополитическаго гуманизма, заманчивая награда въ будущемъ—вѣрной выгодѣ въ настоящемъ, заботѣ объ потребителѣ — интересы производителя. Единственнымъ дѣйствительнымъ интересомъ торговаго сословія

всегда остается и останется связь и взаимопомощь покупателей и продавцевъ, связь внутренняго рынка съ иностраннымъ; основою операцій торговаго сословія служатъ легкость, вѣрность и свобода передвиженія; все, что ограничиваетъ эту свободу, приноситъ ему матеріальный ущербъ; все, что ей содѣйствуетъ и ее поддерживаетъ, приноситъ ему выгоду. Торговое сословіе имѣетъ полное право ссылаться на то, что соблюденіе его интересовъ приноситъ пользу потребителямъ, такъ какъ общимъ интересомъ всѣхъ потребителей является желаніе „купить какъ можно дешевле". Однако, другая половина положенія гласитъ: „продать возможно дороже", и это стремленіе только отчасти достигается посредствомъ свободы торговли, именно лишь настолько, насколько дѣло касается вывоза продуктовъ. Продающій товары на внутреннемъ рынкѣ долженъ, естественно, усматривать врага въ свободномъ ввозѣ, въ иностранной конкурренціи. Къ этому примѣшивается соображеніе промышленниковъ, что никакая дешевизна не приноситъ пользы, если только общая масса потребителей не имѣетъ покупныхъ средствъ. Торговцамъ, между тѣмъ, это рѣшительно безразлично, такъ какъ ихъ интересъ зависитъ исключительно отъ размѣра разницы

между цѣнами покупки и продажи [1]). Великая заслуга Листа состоитъ въ томъ, что онъ, въ противоположность шаблонной теоріи свободы торговли, указалъ на *относительное* лишь значеніе обѣихъ теорій. Не слѣдовало болѣе дѣлить весь міръ на приверженцевъ покровительственныхъ пошлинъ и фритредеровъ, но нужно было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безпристрастно обсудить, на основаніи точнаго изслѣдованія, которую изъ двухъ системъ можно примѣнить съ большей пользой?

Другая заслуга Листа заключается въ томъ, что онъ содѣйствовалъ разработкѣ *историческаго метода* изслѣдованія; его плодотворной литературной дѣятельности мы обязаны тѣмъ, что нѣмецкіе политико-экономы по необходимости хоть отчасти стали основываться на исторіи. Въ этомъ отношеніи его успѣху много содѣйствовала та фаза развитія исторической науки, которая наступила въ то время.

Еще болѣе значительные успѣхи сдѣлалъ историческій методъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Однимъ изъ первыхъ его приверженцевъ считается талантливый Georg Hanssen въ Göттингенѣ, въ раннихъ работахъ котораго,—появив-

---

[1]) Knies, l. c. 118.

шихся еще въ 1832 г.,—сказывается сознательное стремленье во всѣхъ явленіяхъ современной жизни и въ существующихъ учрежденіяхъ находить слѣды прошлаго [1]). Кому неизвѣстны классическія работы Ганссена объ аграрныхъ отношеніяхъ древности и труды по исторіи полевыхъ культуръ въ Германіи, сочиненія, послужившія образцами даже для спеціалистовъ по „средневѣковой" исторіи! Рядомъ съ Ганссеномъ изъ писателей того же направленія слѣдуетъ въ особенности назвать Лоренца *Штейна*, этого талантливаго систематика, Helferich'a, основательнаго знатока исторіи цѣнъ благородныхъ металловъ, V. Mangold'a, остроумнаго мыслителя, I. Neumann'a, извѣстнаго ясностью своего изложенія, и другихъ. Заслуга основанія и развитія историческаго метода въ политической экономіи принадлежитъ Вильгельму Рошеру, который считается главою исторической школы. „Я безъ малѣйшаго колебанія, — говоритъ Книсъ, — признаю за небольшимъ сочиненіемъ Вильгельма Рошера—„Grundriss zu Vorlesungen über die Staats-

---

[1]) О значеніи Ганссена, какъ политико-эконома, см. *W Roscher*, Geschicte d. N., стр. 1037 и въ послѣднее время работы *A. Meitzen'a* въ Zeitschrift für die gesammte Staatwissenschaft. 1881. Heft 2, pag. 371 и соч. *Miaskowski* въ Iahrbuch für Gesetzgebung Шмоллера. V. Iahrg. 1881, p. 399.

wirthschaft, nach geschichtlicher Methode"—ту заслугу, что эта книга возбудила научныя изслѣдованія по вопросу объ историческомъ развитіи народнаго хозяйства и науки политической экономіи". Въ предисловіи къ этой работѣ Рошеръ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „историческій методъ заключается не только во внѣшнемъ хронологическомъ изложеніи фактовъ, когда это представляется вообще возможнымъ; главнѣйшія требованія этого метода заключаются въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) наша задача состоитъ въ изложеніи взглядовъ, стремленій и желаній народовъ въ области хозяйственныхъ вопросовъ, въ изслѣдованіи тѣхъ результатовъ, которыхъ эти народы добились, и тѣхъ причинъ, которыя привели къ достиженію этихъ результатовъ; 2) народъ не есть только масса сегодня живущихъ индивидуумовъ; изучающему народное хозяиство недостаточно наблюденіе однѣхъ лишь современныхъ хозяйственныхъ явленій; 3) трудность отличить въ огромной массѣ явленій существенное, постоянное, вынуждаетъ насъ сравнивать между собою въ хозяйственномъ отношеніи всѣ народы, о которыхъ только мы можемъ имѣть какія-либо данныя; особенно поучительно изученіе жизни древнихъ народовъ, такъ какъ ихъ развитіе представляется намъ во всякомъ случаѣ

въ вполнѣ законченномъ видѣ; въ такой параллели мы имѣли бы неоцѣнимое средство для отысканія въ новѣйшемъ хозяйствѣ тѣхъ или другихъ чертъ прежняго времени; 4) историческій методъ не позволяетъ безусловно порицать или хвалить какой-либо хозяйственный институтъ, такъ какъ, разумѣется, было очень мало институтовъ, которые были бы хороши или дурны для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ; наука имѣетъ гораздо болѣе важную задачу, состоящую въ томъ, чтобы показать, какъ и почему разумное стало безсмысленнымъ и полезное сдѣлалось вреднымъ" (цехи!).

Главныя сочиненія Рошера слѣдующія: „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland" и „System der Volkswirthschaft (Bd I: Grundlagen der Nationaloekonomie 1854 г. 16-ое изданіе 1882 г. [1]); т. II: Nationaloekonomie des Ackerbaues. 1860. 10-е изданіе 1882 [2]); томъ III: Nationaloekonomik des Handels und Gewerbefleisses, 1-ое изд. 1881 г. 3 изд. 1882 Stuttgart, Cotta [3]); кромѣ этихъ, составившихъ эпоху, сочиненій, Рошеру принадле-

---

[1]) Русскій переводъ И. Бабста вышелъ въ 1860 году.

[2]) Русскій переводъ М. Щепкина и Э. Циммермана вышелъ въ 1869 г. (1-й выпускъ) и въ 1870 году (2-ой выпускъ).

[3]) IV томъ, послѣдній, будетъ заключать въ себѣ науку о финансахъ.

житъ еще длинный рядъ работъ и монографій; большинство послѣднихъ вошло въ книгу „Ansichten der Volkswirhschaft“ 3 изд. въ 1878 г. въ 2-хъ томахъ). Исходная точка Рошера есть точка зрѣнія смягченнаго Смитіанизма: онъ вездѣ ратуетъ прежде всего за экономическую свободу, отвѣтственность за свои поступки и самопомощь личности; свободная личность остается его идеаломъ даже тогда, когда конкретныя обстоятельства времени (исторически развившіяся) требуютъ болѣе реальнаго разрѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ. Въ лицѣ Рошера старѣйшая историческая школа достигла наивысшей точки своего развитія.

Вслѣдъ за Рошеромъ въ защиту историческаго метода выступилъ противникъ „космополитизма политико-экономической теоріи“ Бруно Гильдебрандтъ (†1878) въ книгѣ, которая часто уже нами упоминалась. Однимъ изъ выдающихся, во всякомъ случаѣ, поборниковъ историческаго метода въ Германіи является Carl Knies. На его талантливую книгу: „Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode“ (1853[1]) слѣдуетъ смотрѣть, какъ на фундаментъ, на которомъ построено все зданіе новѣйшей исторической школы.

---

[1]) Вышедшая 2-ымъ изд. въ 1883 году.

На какихъ же положеніяхъ покоится историческій методъ, насколько онъ отличается отъ того научнаго метода, которому слѣдовала старая политическая экономія въ лицѣ Смита и его послѣдователей?

Историческій методъ, прежде всего, по мнѣнію Книса, не есть что-либо *внѣшнее*, въ родѣ, напр., *формы* изложенія или порядка распредѣленія матерьяла; онъ стоитъ въ гораздо болѣе глубокой внутренней связи съ *сущностью* и *объектомъ* самой науки. Главнымъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что народное хозяйство не есть понятіе *отвлеченное*, существующее само по себѣ, но является *историческимъ результатомъ* цѣлой совокупности условій жизни даннаго народа. Чтобы яснѣе доказать эту мысль, намъ нужно подвергнуть изслѣдованію каждой изъ конкретныхъ элементовъ хозяйства въ отдѣльности; это дастъ намъ возможность сдѣлать очевиднымъ вліяніе историческихъ условій [1]).

Ближайшимъ естественнымъ условіемъ народнаго хозяйства является *территорія*. Она служитъ даннымъ отъ природы основаніемъ, которое обусловливаетъ какъ качество, такъ и степень

---

[1]) Knies, Die polit. Oekonomie, passim.

успѣшности приложенныхъ хозяйственныхъ усилій. Если человѣкъ и не такъ сильно прикрѣпленъ къ мѣсту, на которомъ онъ живетъ, какъ растеніе, прикрѣпленное къ землѣ своими корнями, то все-же онъ находится въ сильной зависимости отъ почвы; ея свойства опредѣляютъ для него извѣстныя границы, которыя онъ не въ силахъ переступить. Различіе свойствъ почвы повсюду опредѣляетъ собою естественныя различія и противоположности въ основахъ хозяйства отдѣльныхъ народовъ. Вліяніе климата, распредѣленіе водъ, свойства почвы, величина страны, густота ея населенія и т. п., — все это факторы, оказывающіе немаловажное вліяніе на различіе въ экономической жизни отдѣльныхъ народовъ, различія, которыя, правда, могутъ быть смягчены, но никогда не могутъ быть уничтожены.

2) Затѣмъ, въ тѣснѣйшей связи съ производительной силой природы стоитъ природа человѣка, національный типъ. Не подлежитъ сомнѣнью тотъ фактъ, хотя его часто и упускали изъ виду, что результатъ хозяйственной дѣятельности зависитъ отъ духовныхъ и физическихъ особенностей индивида. Различіе расъ, величина мускульной силы, умственныя способности, обычаи и привычки, — все это оказываетъ сильное вліяніе на

хозяйственныя отношенія. Къ этимъ вліяніямъ присоединяется вліяніе времени, все подвигающее впередъ и все измѣняющее, не исключая даже и территоріальной основы хозяйственной жизни народовъ, хотя и оно, даже при прогрессѣ культуры, не въ силахъ уничтожить всѣхъ національныхъ различій. Время распространяетъ свое вліяніе также и на хозяйственную силу человѣка, этого важнѣйшаго фактора производства послѣ природы и капитала. За великими національно-политическими успѣхами обыкновенно наступаетъ подъемъ въ хозяйственной жизни народа; затѣмъ слѣдуетъ періодъ ея ослабленія; нравственность смѣняется испорченностью нравовъ, появляется корыстолюбіе; словомъ, здѣсь историкъ наталкивается на волнообразное движеніе культурнаго развитія.

Противъ этихъ положеній возражали, однако, въ томъ смыслѣ, что, вслѣдствіе все болѣе увеличивающихся размѣровъ международныхъ сношеній, особенно же вслѣдствіе необычайнаго развитія торговли и все возрастающей солидарности стремленій цивилизованныхъ народовъ, наступаетъ увеличивающееся однообразіе общихъ основаній хозяйственныхъ явленій. Книсъ не признаетъ этого воззрѣнія; онъ держится совершенно противоположнаго

мнѣнія, а именно, что, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, данныя различія все болѣе и болѣе увеличиваются. Цивилизація прежде всего развиваетъ контрасты; однообразіе, замѣчаемое на низшихъ ступеняхъ культуры, есть именно недостатокъ развившихся различій, — странное заключеніе, съ которымъ я не могу согласиться. Я нахожу вполнѣ естественнымъ общее сходство на низшихъ ступеняхъ; это черта, свойственная всякому дѣтству, но я отрицаю такое сильное различіе на высшихъ ступеняхъ культуры. Одно несомнѣнно: различія не могутъ совершенно сгладиться даже вслѣдствіе громаднаго вліянія развитой культуры. Никто не отрицаетъ тѣхъ различій, которыя происходятъ отъ обладанія различнымъ капиталомъ; признавая это различіе, было бы противорѣчіемъ утверждать, что положеніе двухъ націй можетъ быть одинаково.

На ряду съ этими основами народнаго хозяйства, придающими ему характеръ историческаго продукта, выступаютъ въ хозяйственной жизни народовъ, также и другіе общіе факторы, производящіе тѣ же явленія, какъ и вышеупомянутые. Главной изъ этихъ силъ является само государство, затѣмъ религія и церковь, наконецъ, царящія среди народа идеи и духовныя стремленія.

Народное хозяйство находится, такимъ обра-

зомъ, въ тѣснѣйшей связи съ культурной и духовной жизнью народа и съ его историческимъ развитіемъ. Разъ научный методъ изслѣдованія строго придерживается природы и существа изслѣдуемаго объекта, онъ заслуживаетъ названія историческаго или реалистическаго метода въ политической экономіи. Характеристичной его особенностью является его пользованіе индукціей, въ отличіе отъ Смитовской школы, опиравшейся, главнымъ образомъ, на дедукцію.

Дедукція есть логическій и научный способъ выводить заключенія, при которомъ исходятъ изъ общепризнанныхъ принциповъ,—a priori; индукція же достигаетъ общихъ выводовъ путемъ единичныхъ объективныхъ наблюденій—a posteriori; послѣдній методъ восходитъ отъ частнаго къ общему, тогда какъ дедукція, наоборотъ, идетъ отъ общаго къ частному. Эти два главныя направленія человѣческаго мышленія господствовали каждое въ свое время. Дедукція является главнымъ методомъ XVIII столѣтія; ею же пользовались въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, такъ какъ она была крайне удобна для теологіи [1]). Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія шотландцы, нѣмцы и французы пользовались глав-

---

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи.

нымъ образомъ дедукціей, англичане же въ то же время и индукціей. Адаму Смиту приходилось выбирать между этими двумя направленіями, когда онъ приступилъ къ систематическому изслѣдованію хозяйственной жизни народовъ. При этой грандіозной попыткѣ изучить всю необозримую область, лежавшую передъ нимъ, Смитъ скоро замѣтилъ, что индуктивное изслѣдованіе невозможно, такъ какъ на это потребовался бы трудъ многихъ поколѣній, если бы даже ограничиться собраніемъ того матеріала, изъ котораго можно было бы выводить законы. Вслѣдствіе этихъ соображеній и, вѣроятно, еще болѣе вслѣдствіе интеллектуальной привычки своихъ современниковъ, онъ рѣшилъ избрать дедукцію [1]). Общая посылка, изъ которой онъ исходилъ, была природа человѣка и предположеніе о громадной роли чувства собственной выгоды, которое даетъ побужденіе всѣмъ хозяйственнымъ операціямъ. Такимъ образомъ Смитъ, а въ особенности его школа, пришли къ признанію хозяйственныхъ законовъ, дѣйствующихъ подобно естественнымъ законамъ, если только они не встрѣчаютъ препятствій; они смотрятъ на политическую экономію какъ на своего рода естественную науку,

[1]) Бокль, l. c.

имѣющую одинаковое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ.

Противъ такого направленія, въ особенности же противъ преимущественнаго примѣненія дедукціи, выступила историческая школа.

Эта школа смотритъ на все хозяйство извѣстнаго народа, какъ на одну общую эволюцію, изъ стадій въ процессѣ общаго развитія, то быстро движущагося впередъ, то представляющаго большую устойчивость; отдѣльная экономическая форма есть лишь одинъ изъ фазисовъ этого развитія. Разсматриваемая такимъ образомъ, политическая экономія получаетъ совершенно новое освѣщеніе. Она является системой человѣческихъ дѣйствій, которыя, не смотря на ихъ разнообразныя формы и объекты, представляются, тѣмъ не менѣе,—вездѣ и всегда какъ дѣятельность всего человѣчества. Политическая экономія находится въ тѣсной связи съ существующими формами человѣческихъ общеній; законы, управляющіе ими, суть въ то же время руководящія нормы и для хозяйственной жизни. Слѣдуетъ, поэтому, прежде всего разсмотрѣть тѣ историческія условія, которыми управляется національная жизнь вообще, а затѣмъ уже приступать къ систематизаціи хозяйственныхъ явленій.

2. Историко-критическое направленіе настоящаго времени или соціально-политическая школа.

Несмотря на важное значеніе оппозиціи первыхъ представителей исторической школы противъ индивидуальнаго направленія, идеи органическаго пониманія задачъ народнаго хозяйства подверглись дѣйствительной и глубокой разработкѣ лишь въ борьбѣ съ соціализмомъ, поступившимъ и у насъ въ Германіи въ политической формѣ соціалъ-демократіи. Вся односторонность какъ Смитіанизма, такъ и соціализма сдѣлалась ясной экономистамъ и политикамъ и привела къ новому направленію практической и теоретической экономіи только со времени возникновенія и въ Германіи въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія соціальнаго вопроса, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и увеличеніемъ участія страны во всемірной торговлѣ. Система Адама Смита, которую онъ оставилъ въ наслѣдство XIX-ому столѣтію, возникшая хотя и въ XVIII-омъ столѣтіи, но въ такой странѣ, гдѣ хозяйство было развито уже тогда столь же высоко, если не выше, чѣмъ въ континентальныхъ странахъ въ первыя десятилѣтія XIX-аго столѣтія и проникнутая духомъ новаго времени была системой,

годной для капиталистовъ, предпринимателей, купцовъ и фабрикъ, словомъ для промышленности, которая пріобрѣла господствующее значеніе въ XIX столѣтіи. Но Смитъ могъ создать систему только для возникающаго промышленнаго государства, а не для развившагося, достигшаго полной экономической и соціальной зрѣлости современнаго промышленнаго государства, работающаго при помощи пара и электричества для удовлетворенія всемірнаго рынка; Смитъ, конечно, первый бы измѣнилъ свою систему, если бы могъ предвидѣть, къ какимъ чудовищнымъ результатамъ привели освобожденные отъ всякихъ стѣсненій капиталы, хозяйственная свобода и эгоистическая борьба интересовъ. Въ особенности отличается своимъ своеобразнымъ характеромъ вторая половина XIX-аго столѣтія отъ первой. Если въ первой половинѣ текущаго столѣтія всѣ хозяйственныя стремленія направлялись къ одной великой цѣли *къ увеличенію производства*, то теперь, повидимому, большинство стремится къ справедливому *распредѣленію* результатовъ производства. Мы перешли изъ чисто экономическаго фазиса въ экономическо-соціальный. При господствѣ хозяйственной свободы, при капиталистическомъ и кредитномъ строѣ хозяйства, при изумительномъ про-

тяженіи и усовершенствованіи средствъ передвиженія всемірнаго хозяйства, машинное производство должно было достичь громаднаго развитія и преобладающаго значенія въ средѣ всего производства и сбыта. Если, съ одной стороны, это повело къ хорошимъ результатамъ, къ удешевленію и увеличенію потребленія, что доставило возможность лучшаго существованія, лучшаго *standart of life* гораздо большему числу рабочихъ, то, съ другой стороны, много до этихъ поръ занятыхъ рабочихъ рукъ осталось, при введеніи во всеобщее употребленіи машинъ, безъ работы. Кромѣ того, увеличившееся потребленіе привело постепенно къ перенаселенію [1]), а машинное производство создало не мало неизвѣстныхъ до толѣ опасностей для жизни, здоровья и воспитанія рабочаго населенія. При крупномъ капиталистическо - спекулятивномъ способѣ производства работникамъ становилось все труднѣе и труднѣе самимъ дѣлаться предпринимателями. Развитіе машиннаго дѣла повело къ постепенному паденію самостоятельнаго до тѣхъ поръ ремесленнаго производства и къ обращенію ремесленниковъ или въ пролетаріевъ или въ наемныхъ рабочихъ въ кустарномъ производствѣ.

---

[1]) I. Ф. Рюмелинъ, Reden und Aufsätzen 1881.

Вмѣстѣ съ обращеніемъ работника въ машину, вмѣстѣ съ превращеніемъ національныхъ рынковъ во всемірный, зависимость рабочаго населенія отъ капитала еще болѣе усилилась; да и самимъ предпринимателямъ становилось все труднѣе и труднѣе слѣдить за колебаніями спроса и предложенія на всемірномъ рынкѣ, что повело къ перепроизводству и къ чрезмѣрной спекуляціи, необходимымъ послѣдствіемъ чего явилось недостаточное потребленіе рабочаго класса и нерѣдкіе всепотрясающіе кризисы [1]. Эти вредныя общественныя явленія не могли ускользнуть отъ вниманія болѣе глубокихъ и выдающихся умовъ, а тотъ, кто самъ не вдумывался въ смыслъ этихъ явленій, долженъ былъ наконецъ обратить на нихъ должное вниманіе подъ давленіемъ все сильнѣе и сильнѣе развивавшагося рабочаго движенія.

До конца пятидесятыхъ годовъ существовали лишь двѣ главныя соціалъ-политическія партіи: *Фритрэдеры*, какъ представители либеральныхъ воззрѣній на государственную жизнь, но съ сильно консервативнымъ оттѣнкомъ въ дѣлѣ народнаго хо-

---

[1]) М. Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ 3 изд. 1883. (Переведено по русски).

зайства [1]), и демократическіе соціалисты съ ихъ стремленіями къ разрушенію современнаго хозяйственнаго строя. Третьяго, средняго направленія не существовало, или оно находилось въ зачаточномъ состояніи, въ лицѣ, напр., соціально-консервативной группы писателей, которыхъ главнымъ представителемъ надо считать почтеннаго О. А. Губера (Huber). Его путевыя письма изъ Бельгіи, Франціи и Англіи (II, 1855), гдѣ находится масса цѣннаго матеріала для изученія уровня благосостоянія низшихъ классовъ и средствъ къ его подъему, являются попыткой примирить нравственное начало съ экономичискимъ. Только двѣ вышеназванныя партіи ясно тогда выдѣлялись, рѣзко и непримимо противоположныя другъ другу, особенно со времени появленія Лассаля [2]) и его спора съ представителемъ экономическаго либерализма Шульце-Деличемъ, основателемъ нѣмецкихъ промышленныхъ ассоціацій [3]). Весь споръ сводился къ борьбѣ двухъ

---

[1]) См. превосходную книгу H. von Scheel „Unsere socialpolitischen Parteien“ 1878.

[2]) См. особенно памфлетъ; «Her Bastiat-Schulze von Delitzsch» 1864.

[3]) О немъ смотри статьи Г. Шмоллера въ его «Jahrbuch» за 1884. Важное и полезное дѣло Шульце съ успѣхомъ продолжали Ф. Дункеръ и докторъ Максъ Гиршъ (род. 1832), первый изъ нѣмцевъ глубоко изучившій строй англійскихъ промышленныхъ това-

принциповъ государственной помощи и *самопомощи*, при чемъ либеральныя партіи и правительства были на сторонѣ послѣдняго. Тогдашніе ученые представители политической экономіи не принимали, за исключеніемъ немногихъ, участія въ этомъ спорѣ [1]). Эти немногіе, а именно *Шеффле и Энгель*, вовсе не были заодно съ преобладающимъ большинствомъ нѣмецкихъ газетъ и политическихъ журналовъ. Хотя они и отказались отъ программы Лассаля, какъ отъ программы несбыточной, они все же энергично возставали противъ слѣдованія по пути чистой самопомощи и противъ уклоненія отъ всякой государственной помощи. Сами они, однако, не выставили никакой положительной программы и были слишкомъ малочисленны, чтобы получить широкое и серьозное значеніе. Но скоро они пріобрѣли союзниковъ. Шеффле издалъ въ 1870 г. свое богатое содержаніемъ сочиненіе: „*Капитализмъ и соціализмъ*", въ которомъ онъ всесторонне изложилъ и обосновалъ свое собственное научное пониманіе соціальнаго вопроса. *Ад. Вагнеръ* въ Берлинѣ и *Г.* Шенбергъ въ Фрейбургѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы высказать и

риществъ. См. дѣльную статью послѣдняго: «Кассы взаимной помощи и законодательство» 1876.

[1]) Schönberg, въ Tub. Zeit. XXIX, стр. 495 и сл.

свои воззрѣнія на этотъ важный вопросъ, воззрѣнія, которыя потомъ раздѣлило съ ними большинство профессоровъ политической экономіи; первый въ евангелическомъ *церковномъ собраніи* въ Берлинѣ, гдѣ онъ произнесъ рѣчь 12 октября 1871 г., „о соціальномъ вопросѣ", а послѣдній въ своемъ трудѣ *„рабочія должности, задача нѣмецкой имперіи"*. Вожди партіи фритредеровъ сильно напали на эти рѣчи, такъ какъ тенденціи, проводимыя въ нихъ, показались *имъ лишь новой формой соціализма*. Къ сожалѣнію нельзя сказать, чтобы споръ, который особенно возгорѣлся съ появленіемъ статьи *Г. Б. Оппенгейма* „Катедеръ-соціализмъ" и „Открытаго письма А. Вагнера" къ первому, споръ, который носилъ личный, ожесточенный характеръ, привелъ къ полезнымъ результатамъ, такъ какъ въ жару полемики были высказаны нѣкоторыя сужденія, которыя никакъ нельзя признать удачными. Послѣ того какъ приверженцами реалистическаго направленія сознана была необходимость болѣе тѣснаго единенія и практической политической организаціи, представители его собрались для обсужденія соціальнаго вопроса 6 и 7 октября 1872 г. въ Эйзенахѣ. Почти всѣ профессора политической экономіи нѣмецкихъ университетовъ и руководители главныхъ статистическихъ бюро Германіи находились въ числѣ лицъ,

собравшихся въ Эйзенахѣ; къ нимъ присоединились выдающіеся представители всѣхъ политическихъ партій, извѣстные вожди рабочихъ и крупные предприниматели. Согласно съ воззрѣніями исторической школы были отвергнуты соціально-политическія программы соціалистовъ и фритредеровъ и избранъ третій путь для рѣшенія соціальнаго вопроса. Послѣдователей этого новаго направленія назвали въ насмѣшку „катедеръ-соціалистами", потому что они думали разрѣшить соціальный вопросъ „съ высоты каѳедры". Новая школа утвердилась не безъ борьбы съ защитниками консервативнаго направленія, что повело къ всестороннему выясненію ея основныхъ положеній. Особенно полезна была въ этомъ отношеніи полемика между профессорами Г. фонъ-Трейчке и Г. Шмоллеромъ, которая вызвала появленіе труда послѣдняго: „Основные вопросы права и народнаго хозяйства", книги, которую можно считать новымъ *основаніемъ* нашей науки, и которая навсегда сохранитъ важное значеніе.

Хотя направленію А. Смита еще не противопоставлено никакой новой, полной системы, но уже замѣтенъ прогрессъ науки, который, правда,

часто понимается невѣрно [1]). Прежде всего политическая экономія значительно приблизилась къ ея высшей задачѣ, — быть наукой дѣйствительно общественной, а пониманіе народнаго хозяйства какъ частнаго, которое царило въ старой политической экономіи, уступило мѣсто болѣе соціальному воззрѣнію. Народное хозяйство понимается теперь въ наукѣ, какъ жизненный организмъ, понятіе, составленное по аналогіи съ естественными науками, которое хотя было уже и у болѣе раннихъ представителей реально-историческаго направленія, но не имѣло глубокаго значенія и не было послѣдовательно проведено въ ихъ системѣ. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ болѣе старыми учеными — Ф. Б. В. Германномъ, Т. Бернгарди (Th. Bernhardi) [2]) и Книсомъ, особенно Шеффле, Г. Шмоллеръ и Ад. Вагнеръ доказали пользу органическаго пониманія государства для нашей науки вообще и для ученія о налогахъ въ частности. Въ своемъ „ученіи о доходѣ“ [3]). Шмоллеръ го-

---

[1]) Сюда я причисляю статью М. Блока: «Сущность катедеръ-соціализма», помѣщенную въ «Vierteljahres-Schrift für Volksw. und Kulturgeschichte. Jahrg. XV, 4. 1878 г., стр. 1 и слѣд.

[2]) Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden. Спб. 1847, книга, содержаніе которой гораздо шире чѣмъ можно предположить, судя по ея заглавію.

[3]) Tüb. Zeit., 1863 г., стр. 45 и слѣд.

воритъ, что въ ряду большихъ бытовыхъ (sittlichen) организмовъ, какъ-то: семьи, общины, церкви, государство является важнѣйшимъ обусловливающимъ существованіе другихъ и господствующимъ надъ ними; его цѣлью является: осуществленіе идеальнаго человѣка въ обществѣ. Единичный человѣкъ по внутренней необходимости нуждается въ подобномъ общеніи и хотя и образуетъ свой собственный міръ и имѣетъ свои личныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется этой высшей нравственной силѣ, такъ какъ только въ ней и черезъ нее можетъ онъ достичь всѣхъ своихъ цѣлей. „Какъ цѣлое господствуетъ надъ частью, какъ организмъ надъ отдѣльнымъ членомъ, такъ и государство остается высшей нравственной силой, господствующей надъ индивидами". Шмоллеръ требуетъ затѣмъ, чтобы это воззрѣніе было проведено и въ хозяйственной сферѣ. „Индивидуумъ",— говоритъ названный авторъ,—„никогда не хозяйничаетъ только для себя, такъ какъ онъ никогда не живетъ замкнутой индивидуальной жизнью, а всегда и во всѣхъ отношеніяхъ является вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ семьи, общины и государства и дѣйствуетъ, сообразуясь съ этимъ. Поэтому онъ не имѣетъ абсолютнаго права на то, что онъ выработалъ въ своемъ двойственномъ положеніи; онъ

долженъ сдѣлать участниками плодовъ своей дѣятельности эти организмы и прежде всего государство. Поэтому основаніе, на которомъ государство требуетъ платежа податей, не лежитъ въ потребленіи или выгодѣ индивидуума, не въ страхованіи его имущества государствомъ, но, какъ справедливо говоритъ Шталь, просто въ фактѣ его подданства, или, какъ выражается Блунчли, въ его гражданскомъ долгѣ.

Послѣдовательные выводы изъ этихъ положеній сдѣлалъ затѣмъ Ад. Вагнеръ въ своемъ „Grundlegung" (2 изд.). Для него политическая экономія является „наукой о замкнутомъ цѣломъ, образующемся изъ суммы отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, размежованныхъ на основаніи извѣстнаго хозяйственнаго правоваго порядка и организованныхъ посредствомъ однообразныхъ *хозяйственныхъ законоположеній* въ государство или единый народъ". Народное хозяйство, хотя и понимаемое такъ отвлеченно, абстрактнымъ образомъ,—говоритъ Вагнеръ,—представляется реальнымъ цѣлымъ, *организмомъ*, котораго отдѣльными членами, но не частями являются частныя хозяйства и представляемое государствомъ общественное хозяйство. Каждое отдѣльное хозяйство имѣетъ свои собственныя задачи, цѣли и средства,

но вмѣстѣ съ тѣмъ функціонируетъ и для цѣлаго и зависитъ въ своемъ ростѣ и успѣхахъ отъ всеобщаго народно-хозяйственнаго и соціальнаго развитія. Соединительнымъ звеномъ между отдѣльными хозяйствами и цѣлымъ являются частью духовныя силы, частью же обмѣнъ, который въ свою очередь обусловливаетъ *раздѣленіе труда* между различно организованными промыслами и занятіями. Необходимымъ условіемъ успѣшнаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ членовъ и цѣлаго организма является ихъ гармонія, равновѣсіе и соразмѣрность. *Современная политическая экономія является наукой о связанныхъ въ одинъ государственно-народный хозяйственный организмъ частныхъ хозяйствъ.*

Для развитія народнаго хозяйства, какъ организма, имѣютъ главное значеніе слѣдующіе три момента: 1) личный и національный, выражающійся въ народности и исторіи; 2) правовой и политическій—выражающійся въ государствѣ и правовомъ порядкѣ, и 3) естественный—въ странѣ и ея естественныхъ условіяхъ. Лишь насколько правовой и политическій порядокъ можетъ вліять на существо и характеръ народнаго хозяйства и модифицируетъ національныя, историческія и естественныя условія, настолько мы имѣемъ дѣло съ

искусственной организаціей, способной къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Съ этой точки зрѣнія практическая національная экономія является наукой преимущественно политической. Англичане, французы и итальянцы, которые разсматриваютъ національную экономію именно такимъ образомъ, знаютъ только названіе ея—политическая экономія, *political economy* или *économie politique*.

Всякій живой организмъ, а слѣдовательно, и народное хозяйство функціонируетъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ силъ и причинъ. Какія же духовныя причины побуждаютъ функціонировать народно-хозяйственный организмъ?

Отдѣльная хозяйственная единица, гипотетично выдѣленная изъ соціальнаго оборота, представляетъ изъ себя довольно простой организмъ съ простыми функціями: хозяйничающій человѣкъ имѣетъ рядъ потребностей, которыя онъ удовлетворяетъ преимущественно посредствомъ труда, создающаго извѣстныя *блага*, имѣющія въ сознаніи человѣка совершенно опредѣленную цѣнность. Созданныя такимъ образомъ цѣнности, будучи сбережены, служатъ капиталомъ для продолженія производства и для удовлетворенія потребностей какъ настоящаго, такъ и будущаго времени. Этотъ кругооборотъ, конечными точками котораго всегда

являются потребности, заключаетъ въ сущности всю философію человѣческаго хозяйства. Но какой сложной отрасли дѣятельности не охватываетъ собой этотъ великій кругъ человѣческихъ интересовъ?! И развѣ онъ не растетъ постоянно съ ростомъ человѣческаго рода, съ прогрессомъ цивилизаціи? Развѣ этотъ великій кругъ человѣческихъ интересовъ не перекрещивается постоянно съ великими кругами другихъ, человѣческихъ интересовъ? Но прежде всего этотъ могучій кругъ охватываетъ собой всѣ меньшіе круги, которые заключаютъ въ себѣ отдѣльныя хозяйственныя единицы; и всѣ эти круги не концентрированы и не подчинены другъ другу, а существуютъ рядомъ, пересѣкаются другъ съ другомъ и образуютъ вмѣстѣ паутину, которая заполняетъ собой, является содержаніемъ большаго круга.

Хотя все наше хозяйство ведется прежде всего отдѣльными единицами, но всетаки каждая такая единица не остается при этомъ вполнѣ разобщенной; напротивъ, она непремѣнно вступаетъ съ другими въ разнообразныя сношенія. Но спрашивается, какимъ же образомъ такое безпрерывное движеніе, которое совершается большею частью совершенно самостоятельно въ сферѣ безчисленныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ, не приводятъ весь

хозяйственный организмъ въ состояніе совершенно спутаннаго клубка нитокъ? Этотъ вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ: во всякомъ случаѣ въ этомъ bellum omnium contra omnes дѣйствуютъ созидающія силы, которыя и мѣшаютъ всему хозяйственному организму выродиться въ состояніе дикой анархіи, не допускаютъ образованія хаоса и обусловливаютъ существованіе извѣстной своеобразной планомѣрности. Прежде всего всякій отдѣльный участникъ въ хозяйственномъ оборотѣ дѣйствуетъ въ силу столь осуждаемаго, но вполнѣ хозяйственнаго стремленія получить, при наименьшихъ затратахъ въ свободномъ обмѣнѣ, наибольшую сумму хозяйственныхъ цѣнностей. Это стремленіе есть такъ называемый частно-хозяйственный эгоизмъ, selfinterest Адама Смита, стремленіе, которое вполнѣ основательно считается главнымъ и основнымъ двигателемъ человѣчества. Этотъ двигатель ведетъ, правда, къ борьбѣ за существованіе, или, выражаясь языкомъ политической экономіи, къ свободной конкурренціи, при господствѣ которой конкурренты, требуя и предлагая товары, отыскиваютъ тѣхъ, которымъ они *могутъ* дать меньше чѣмъ другимъ, но всетаки столько, что хозяйственные интересы и этихъ послѣднихъ при этомъ удовлетворяются. Свободная

конкурренція или эгоистическіе интересы, являются могучей хозяйственной силой человѣческаго общества.

Но не ею одной обусловливается общій хозяйственный строй. Вообще она можетъ дѣйствовать благотворно лишь настолько, насколько она касается хозяйственныхъ интересовъ отдѣльныхъ единицъ, и насколько эти единицы въ состояніи самостоятельно отстаивать свои интересы среди всеобщей конкурренціи. Эгоизмъ вообще не можетъ обезпечить старика или груднаго ребенка,—разумѣется, мы не касаемся здѣсь сферы родственныхъ отношеній,—онъ не заставитъ заботиться объ удовлетвореніи потребностей грядущихъ поколѣній, научныхъ интересовъ, общественнаго благосостоянія и т. п. Для удовлетворенія такихъ потребностей нужны иныя силы, которыя сдерживаютъ частно-хозяйственныя стремленія и эгоизмъ, ограничиваютъ и смягчаютъ его и этимъ создаютъ полную гармонію хозяйственной жизни общества. Безъ вторженія нравственности, добраго обычая, гуманности, любви, преимущественно же права въ область борьбы интересовъ, была бы недостижима гармонія экономической жизни общества и удовлетвореніе высшихъ общественныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, какъ принципъ эгоизма дѣй-

ствуетъ въ сферѣ отдѣльныхъ хозяйствъ и при системѣ свободной конкурренціи, такъ принципъ общественнаго хозяйства воплощается въ государствѣ.

Въ этомъ и заключается характерная особенность положенія, которое историко-этическая школа указываетъ государству въ противуположность системѣ laissez faire. Между тѣмъ, какъ послѣдняя главную задачу государства видѣла въ исполненіи правовыхъ функцій (государство есть только институтъ правовой защиты) и въ воздержаніи отъ вторженія въ хозяйственную сферу, а соціалисты, наоборотъ, домогались всесильнаго государства, соціальная школа возлагаетъ на государство положительную задачу по отношенію къ народному хозяйству и возлагаетъ на него рядомъ съ правовыми задачами—задачи культурныя и экономическія[1]). Государство, какъ сила, стоящая выше частныхъ интересовъ, призвано вмѣшиваться въ ихъ борьбу, когда они угрожаютъ интересамъ *общественнымъ*. Чѣмъ выше культурное развитіе страны, тѣмъ сильнѣе выступаетъ государство въ этой роли. Порядокъ и гармонія въ борьбѣ интересовъ, „добродушная анархія“ Прудона, являются

[1]) Ад. Вагнеръ Grundlegung, 2 изд., стр. 67 слѣд.

безъ правительственнаго вмѣшательства только несбыточной мечтой. Правда, трудно опредѣлить границы государственной дѣятельности и мѣру ея вмѣшательства. Тутъ можно только выставить общія, апріорныя положенія. Вообще можно сказать: вмѣшательство государства всегда полезно и справедливо тамъ, гдѣ оно можетъ удовлетворить общественнымъ потребностямъ болѣе выгодно, чѣмъ отдѣльный человѣкъ, или тамъ, гдѣ вообще только государство и можетъ удовлетворить ихъ, не *подавляя при томъ частной предпріимчивости и свободы*. Слѣдовательно, государство должно выступать, напр., тамъ, гдѣ для удовлетворенія необходимой потребности не находится соотвѣтствующаго частно-хозяйственнаго органа. Это формулировали такъ: государство должно взять на себя тѣ отрасли хозяйственной дѣятельности (Wagner, 281), которыя требуютъ возможно-бо́льшаго протяженія во времени и въ пространствѣ, единства и даже исключительности въ выполненіи, или если предпріятіе по существу имѣетъ общественное значеніе или можетъ получить таковое къ выгодѣ большинства безъ особыхъ затратъ. Осуществленіе предпріятій долговременныхъ и крайне обширныхъ, — вотъ настоящее поле дѣятельности для государства. Оно по своей природѣ неограничено во

времени и пространствѣ, является сувереномъ въ своей странѣ и охватываетъ собой не только теперь живущія и дѣйствующія поколѣнія, но народъ въ его историческомъ развитіи, не только извѣстныхъ, но всѣхъ живущихъ въ его предѣлахъ гражданъ. Поэтому государство является естественнымъ защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто самъ не можетъ отстаивать своихъ интересовъ—стариковъ и дѣтей, будущихъ поколѣній, живущихъ въ сторонѣ отъ всеобщаго обмѣна, и вообще болѣе слабыхъ въ борьбѣ за существованіе. Изъ всего вышесказаннаго ясно, что при существованіи только одного частно-хозяйственнаго принципа, какъ организующей силы народно-хозяйственнаго организма, общественной жизни не было бы, а. слѣдовательно, не удовлетворялись бы и всѣ высшія культурныя потребности, всѣ высшія задачи цивилизаціи. Государство, какъ воплощеніе общественнаго разума, призвано восполнить тѣ пробѣлы, которые образуются въ хозяйственномъ организмѣ при исключительномъ господствѣ эгоизма. Орудіе его дѣятельности есть принужденіе, заставляющее частную выгоду преклоняться предъ высшими задачами государства. Государству, преслѣдующему болѣе идеальныя задачи, чуждъ принципъ возмездности, платы услугой за услугу, господствующій въ част-

ныхъ хозяйствахъ; государство знаетъ только общую возмездность, воплощающуюся въ системѣ податей и сборовъ или таксъ. И производство въ государственномъ хозяйствѣ не замыкается теперь въ кругахъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, имѣетъ въ виду не частные интересы, но имѣетъ своею задачей цѣлые виды имуществъ и учрежденій. Государство производитъ не для отдѣльныхъ единицъ, и не въ ихъ только интересахъ, но создаетъ лишь цѣнности доступныя общему пользованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство играетъ важную роль въ процессѣ производства отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ; оно выступаетъ въ ряду другихъ факторовъ производства, т. е. природы, капитала и труда, его надо считать въ числѣ такъ называемыхъ невещественыхъ капиталовъ. Даже болѣе, государство является факторомъ, регулирущимъ распредѣленіе цѣнностей и народнаго дохода. Оно не предоставляетъ распредѣленіе исключительно игрѣ конкурренціи. но само опредѣляетъ образованіе народнаго имущества посредствомъ своей налоговой политики и особенно посредствомъ своего правопорядка.

Это положительное вліяніе государства на распредѣленіе народнаго дохода нужно считать основнымъ принципомъ всякой соціальной по-

литики, хотя относительно степени его примѣненія приверженцы новой соціально-политической школы не пришли къ согласію.

Между тѣмъ, какъ преобладающее большинство находящихся теперь въ живыхъ ученыхъ представителей политической экономіи, какъ Георгъ Ганссенъ въ Геттингенѣ (род. 1809 г.), Лоренцъ фонъ Штейнъ въ Вѣнѣ (род. 1815 г.), Вильгельмъ Рошеръ въ Лейпцигѣ (род. 1817), Гельфрихъ въ Мюнхенѣ (род. 1817г.), Карлъ Книсъ въ Гейдельбергѣ (род. 1821 г.), фонъ Дитцель въ Марбургѣ (род. 1829 г.), Эрвинъ Нассе въ Боннѣ (род. 1829 г.), Умфенбахъ въ Кенигсбергѣ (род. 1832 г.), Ласпейресъ въ Гиссѣ (род. 1834 г.), I. Нейманъ въ Тюбингенѣ (род. 1835 г.) и болѣе молодые профессора Лексисъ въ Бреславлѣ (род. 1834 г.), Г. Шмоллеръ въ Берлинѣ (род. 1838 г.), фонъ Міасковскій въ Бреславлѣ (род. 1838 г.), Конрадъ въ Галле (род. 1839 г.), фонъ Шенбергъ въ Тюбингенѣ (род. 1839 г.), Густавъ Конъ въ Геттингенѣ (род. 1840 г.[1]), Брентано въ Страсбургѣ (род. 1844 г.), В. Штидавъ Ро Стакѣ ко-

[1]) Родившійся тоже въ 1840 г. и работавшій въ Вѣнѣ остроумный К. Менгеръ (Ueber d. Methode d. Socialwis senschaften) долженъ, быть причисленъ къ представителямъ индивидуалистически-дедуктики политической экомоміи стараго направленія.

торые всѣ занимаютъ кафедры ординарныхъ профессоровъ также какъ экстраординарные профессора и доценты Эммануилъ Леезеръ въ Гейдельбергѣ, Тунъ въ Фрейбургѣ, Бюхеръ въ Базелѣ, фонъ Охенковскій въ Мюнстерѣ, фонъ Кауфманъ въ Берлинѣ, Валкеръ и Фридбергъ въ Лейцигѣ, Онкенъ въ Бернѣ, Эльстеръ въ Кенигсбергѣ, Шеферъ въ Ганноверѣ (конечно, не названные здѣсь не должны поэтому считаться заслуживающими меньшаго вниманія [1]) вообще, съ некоторыми лишь разногласіями, думаютъ рѣшить соціальный вопросъ на почвѣ современнаго правоваго и хозяйственнаго порядка и придаютъ особенное значеніе принципу хозяйственной свободы самопомощи и личной отвѣтственности, другая, дальше идущая группа ученыхъ, какъ Адольфъ Вагнеръ въ Берлинѣ (род. 1835), Шеффле въ Тюбингенѣ и еще раньше Германъ Реслеръ (въ настоящее время въ Японіи) думаютъ, что при разъясненіи вопросовъ организаціи народнаго хозяйства современная система производства и распре-

---

[1]) Годы рожденій заимствованы изъ почтеннаго и заслуживающаго полнаго довѣрія „университетскаго календаря за зимній семестръ 18⁸⁴/₈₅ академическаго года“ издаваемаго докторомъ Ф. Ашерсономъ, первымъ хранителемъ королевской университет. библіотеки въ Берлинѣ.

дѣленія, основанная на существующемъ теперь правопорядкѣ, не можетъ быть прямо и безспорно принята какъ неподвижный фундаментъ, но сперва должна быть критически изслѣдована, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, вліяніе современнаго правопорядка, чтобы предпринять преобразованіе или содѣйствовать дальнѣйшему развитію современной системы въ интересахъ рабочихъ классовъ. Особенно право собственности и наслѣдованія, которыя такъ сильно вліяютъ на производство и распредѣленіе, должны считаться не вѣчными но историческими категоріями, для которыхъ прогрессъ цивилизаціи вовсе не остановился разъ на всегда. Напротивъ, мыслимо и возможно установленіе такого правопорядка, который-бы создалъ гармонію между собственностью и трудомъ. Очевидно, что это направленіе какъ въ литературѣ, такъ и въ области практической соціальной политики, является болѣе агрессивнымъ, имѣетъ болѣе преобразовательныя стремленія, чѣмъ первое, которое выдвигается на авансцену индивидуальный принципъ въ противоположность соціальному.

Это соціальное направленіе, которое себя называетъ весьма точно соціально-правовымъ, обязано своимъ происхожденіемъ ученымъ соціали-

стамъ; между нѣмцами это Марло[1]), Родбертусъ и Марксъ которые выработали исходное положеніе этого направленія. Соціализмъ преимущественно указалъ на то, что все экономическое положеніе индивидуума въ значительной степени обусловливается существующимъ правомъ, особенно правомъ собственности, тогда какъ фритридеры принимаютъ существующее право за данный порядокъ, который не долженъ быть измѣняемъ, потому что индивидуумъ самъ его создалъ; Между тѣмъ какъ соціализмъ выдвигаетъ то положеніе, что эта собственная дѣятельность индивидуума дѣло второстепенное, важнѣе гораздо — право. Отсюда вытекаетъ необходимость критическаго изслѣдованія того, какъ дѣйствующее право вліяетъ на народное хозяйство, особенно на распредѣленіе общаго дохода отъ труда, такъ что это соціально-правовое направленіе науки, насколько она воздерживается отъ безполезныхъ спекуляцій и преувеличеній[2]), не только оправдывается, но и должно считаться необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, имен-

---

[1]) Новое изданіе его сочиненія: (Organisation d. Arbeit появившись 2 тома) печатается.

[2]) Къ сожалѣнію, этотъ упрекъ мы должны сдѣлать и по отношенію къ новѣйшему сочиненію Шеффле: (Bau u. Leben d. socialen Körpers) (новое изданіе 1881), особенно см. часть III, стр. 457 и сл.; стр. 419 и слѣд. и другія.

но это направленіе вызвало болѣе глубокое изученіе существа современнаго промышленнаго общества, что повело къ болѣе серьезному обоснованію политической экономіи.

Зачатки соціально-политической школы содержатся уже въ первыхъ большихъ сочиненіяхъ Лоренца фонъ-Штейна, особенно въ его (System der Staats wisseuschaften (II, 2), а также въ сочиненіяхъ Г. Реслера. Въ новомъ, выработанномъ Штейномъ, Гнейстомъ [1]) и Робертомъ фонъ-Молемъ, понятіи „общества" политическая экономія пріобрѣла новое основное положеніе [2]). Именно Лоренцъ фонъ-Штейнъ въ своей Die Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1879 bis auf unsere Tage, особенно въ первомъ томѣ этого сочиненія, озаглавленномъ „Понятіе общества", открываетъ новую эпоху и пролагаетъ новые пути [3]). Положеніе, заключающееся въ этомъ трудѣ, особенно развилъ Г. Реслеръ. Въ 1867 г. вышло его сочиненіе: Ueber die Grundlehren der von Adam

---

[1]) Родился въ 1816 г. (Das heutige englische Verfassungs- und Uerwaltungsrecht (1857—63) 1, 2. Изд. II, 3, Изд. Der Rechtsstaat 1872, 2 изд.

[2]) См. особенно остроумную и оригинальную книгу Л. Гумповича: Rechtsstaat u. Socialismus. Innstruck. 1881.

[3]) См. также System der Staatswissenshaften II (1857), Verwaltungslehre (1865 и сл.)—до сихъ поръ вышло 8 томовъ.

Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie (2 изд. 1871), которое, хотя и встрѣтило со стороны цеховыхъ ученыхъ рѣшительное осужденіе, все-же имѣло рѣшающее значеніе (см. „Zeitschrift“ Грюнхута и „Annalen des Deutschen Reichs“ Гирта). Особенно въ своихъ „Чтеніяхъ о народномъ хозяйствѣ“ (Эрлангенъ, 1878 г.) высокоцѣнимый авторъ далъ систематическое изложеніе, которое болѣе чѣмъ какой либо другой учебникъ соотвѣтствуетъ современному положенію науки, если не считать „системы“ Шеффле и неоконченнаго еще большаго труда Ад. Вагнера[1]). Непонятнымъ образомъ этотъ важный, глубоко продуманный трудъ нашелъ слишкомъ низкую оцѣнку, можетъ быть, вслѣдствіе вызывающаго и рѣзкаго тона полемики (напр., противъ Рошера), въ которую вдается Реслеръ.

Главными представителями современной соціально - правовой школы надо признать Шеффле и Вагнера; этихъ ученыхъ называютъ тоже государственными соціалистами, такъ какъ они in

[1]) Новѣйшій содержательный Handbuch der politischen Oekonomie (издаваемый нѣсколькими выдающимися учеными подъ редакціей Шёнберга) не даетъ системы, которой требуетъ современная политическая экономія; его же главное достоинство—практическая часть и 2-мъ томъ (финансовая наука).

praxi, въ противоположность свободной иниціативѣ индивидуума или общественныхъ группъ, проводятъ принужденіе правоваго порядка или государства. Хотя Шеффле въ послѣднее время все болѣе и болѣе отступаетъ отъ почвы строго-научнаго метода, чтобы на основаніи недоказанныхъ гипотезъ рисовать картины будущаго соціалистическаго государства, тѣмъ не менѣе, по моему убѣжденію, его „Rau und Leben“ является для самостоятельныхъ мыслителей настоящимъ кладомъ идей, хотя для молодыхъ, не зрѣлыхъ головъ представляетъ, какъ и его „Quintassenz“, не безопасное чтеніе, такъ что нельзя не признать, что наша наука обязана многимъ первымъ работамъ Шеффле. Мы должны особенно назвать его Gesellschaftliche System der menschlichen Withschaft (3 изд.), его Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnissen Grundgesetzen der Steurpolitik, а также его глубокомысленныя и остроумныя статьи въ Tübinger Zeitschrift. Эти работы внесли такое оживленіе, что нельзя почти назвать ни одного равнаго ему въ этомъ отношеніи экономиста-писателя настоящаго времени.

Строгостью научнаго метода, силой логики, умѣньемъ пользоваться всѣми вспомогательными средствами науки объемистыя сочиненія Ад. Ваг-

нера стоятъ далеко выше трудовъ Шеффле. Въ своей Rede über die sociale Frage и особенно въ Grundlegung (2 изд., 1879 г.) Вагнеръ задается чрезвычайно труднымъ и всеобъемлющимъ дѣломъ— подвергнуть критикѣ правовые институты съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, насколько они служатъ основаніемъ народно-хозяйственнаго оборота. При этомъ, придерживаясь воззрѣній школы, которыя были нами выше разсмотрѣны, онъ исходитъ изъ того основного положенія, что наши великіе правовые институты, особенно институты собственности, наслѣдованія и договора, являются, выражаясь словами Лассаля, историческими категоріями, и хотя, что весьма важно, не могутъ быть по *произволу* отмѣнены или измѣнены, но все-таки способны къ реорганизаціи и дальнѣйшему развитію, которыя необходимы, какъ скоро этого потребуютъ выгоды постоянно развивающагося народнаго хозяйства и какъ скоро будетъ доказано, что предположенное измѣненіе будетъ выгоднѣе, чѣмъ старая форма. Правда, всегда останется неразрѣшимой задачей—привести подобныя доказательства, такъ что и здѣсь остается извѣстное поле для гипотезъ. Во всякомъ случаѣ „Grundlegung“ Вагнера, второй томъ котораго ожидается съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ,

представляетъ изъ себя основной и краеугольный камень преобразованьой политической экономіи.

И въ спорѣ о *научномъ методѣ*, путемъ котораго должны создаваться основныя положенія, замѣтна противоположность [1]) воззрѣнія защитниковъ старой консервативной (фритрэдерской и соціально-политической школъ. Этотъ вопросъ вызвалъ расколъ даже въ средѣ этой послѣдней школы. Споръ сводится къ вопросу: что должно преимущественно употребляться: *дедукція* или *индукція*. Мы думаемъ, вмѣстѣ съ Дитцелемъ [2]) и Ад. Вагнеромъ [3]), что этотъ вопросъ въ жару полемики слишкомъ обострился, чтобы воззрѣнія могли бы быть въ достаточной степени уяснены. Для *чистой* теоріи, установляющей общія основныя истины хозяйственно-соціальной жизни, независимо отъ индивидуальныхъ, мѣстныхъ и временныхъ особенностей, апріористическій методъ особенно важенъ, но его нужно постоянно контро-

---

[1]) К. Менгеръ въ своихъ Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere (Вѣна, 1883), направленныхъ противъ сочиненія Шмоллера Zur Metodologie der Staats- und Socialwissenschaften (Schmoller's Jahrbuch 1883) и Е. Лезеръ въ его критикѣ книги Менгера („Ежегодникъ Шмоллера", 1883).

[2]) Conrad's Jahrbuch., 1884, стр. 110.

[3]) Tüb. Zeit., 1883, 265.

лировать и исправлять индукціей (исторіей, статистикой). Для прикладной же, практической политической экономіи, для народно-хозяйственной и соціальной политики, а также для изображенія или историческаго описанія хозяйственныхъ отношеній, болѣе пригоденъ индуктивный методъ, который съ удобствомъ примѣняется къ конкретнымъ отношеніямъ хозяйственной и общественной жизни. Поэтому оба метода должны употребляться рядомъ, дополнять и исправлять другъ друга, такъ что весь споръ объ исключительномъ правѣ одного или другого собственно является лишнимъ. Но слѣдующая оговорка необходима. Школа фритредеровъ принесла много вреда своимъ исключительно дедуктивнымъ методомъ; онъ необходимо нуждается въ повѣркѣ путемъ историческаго изслѣдованія и статистики и можетъ быть исправлена исключительно путемъ индукціи. Въ будущемъ наша наука несомнѣнно обратится къ индукціи.

Какихъ большихъ результатовъ можно достигнуть путемъ историческаго изслѣдованія, доказывается преимущественно большими работами Брентано объ англійскихъ промышленныхъ союзахъ, Гельда о соціальной исторіи Англіи, Г. Шмоллера объ исторіи цеховаго и ремесленнаго строя и прусскаго управленія, а также работами его учениковъ.

Наравнѣ съ этими учеными стоятъ *статистики*, между которыми выдаются Е. Энгель и Августъ Мейценъ. Энгель, который рядомъ съ Кетле является замѣчательнѣйшимъ изслѣдователемъ въ области новой сравнительной статистики въ Европѣ, видитъ въ ней методу и науку вмѣстѣ; какъ первая, статистика является методомъ массоваго наблюденія, а какъ вторая, она занимается изслѣдованіемъ народной и государственной жизни въ ихъ причинной связи. Статистика, дѣлая свои наблюденія на поприщѣ индукціи, является физикой и физіологіей общества и такимъ образомъ облегчаетъ постепенный переходъ государственныхъ и общественныхъ наукъ къ естественнымъ. Многочисленныя, основательныя работы Энгеля также могутъ служить примѣрами чисто методической обработки политико-экономическихъ вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являются настоящимъ кладомъ для изслѣдователя [1]) Рядомъ съ нимъ замѣчателенъ особенно Августъ Мейценъ своимъ сочиненіемъ: Der Boden und Landwirthschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates" 4 тома, Берлинъ, 1868, сочиненіе, которое Вильгельмъ Ро-

[1]) Онѣ печатались большей частью въ «Zeitschrift des Kgl. preuss. Statistischen Bureaus».

шеръ называетъ „красой статистической литературы“, а также своими аграрно-политическими сочиненіями, въ которыхъ главнымъ образомъ изслѣдуется бытъ древнѣйшихъ поселеній (см. Tübinher Zeitschrift) Замѣчательны также статистическія работы Конрада въ Галле, Кнаппа въ Страсбургѣ и др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта школа занимается вопросомъ о вліяніи, оказываемомъ рядомъ съ историческими и конкретными отношеніями, обычаемъ и правомъ на строй народнаго хозяйства. Особенно отмѣтилъ Шмоллеръ нравственно-правовой моментъ и его вліяніе на народнохозяйственную жизнь въ своихъ Grundfragen“; Адольфъ Вагнеръ глубже изслѣдовалъ это вліяніе въ „Grundlegung“. Ад. Смитъ и его школа выставили *личную выгоду* единственнымъ двигателемъ человѣческаго хозяйства, современная же наука доказала, что и другіе духовные двигатели, какъ нравственность и мораль, дѣйствуютъ умиротворяющимъ образомъ на общественное сознаніе. Эгоистическій принципъ, по мнѣнію новой школы, несомнѣнно ведетъ только къ bellum omnium contra omnes, къ борьбѣ интересовъ. Хотя онъ и является основаніемъ свободной конкурренціи со всѣми ея преимуществами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми ея недостатками, существованіе его одного не достаточно для гармоническаго со-

четанія народно-хозяйственныхъ выгодъ и государственно-общественной жизни.

Новое направленіе систематики политической экономіи уже прежде указали: талантливый Ф. I. Нейманнъ въ своихъ Beiträge zur Revision der Grundbegriffe der Volkwirthschattslehre" („Tübinger Zeitschrift 1869—72) [1]) и такъ рано, къ сожалѣнію, умершій, высокодаровитый Адольфъ Гельдъ въ своемъ „Grundriss für Vorlesung überNationalökonomie„ (2 изд.). Краткая программа Гельда имѣетъ то преимущество, что даетъ общій взглядъ на новѣйшее ученіе о хозяйствѣ въ точной и сжатой формѣ и тѣмъ значительно облегчается предварительное изученіе политической экономіи. Въ послѣднее время глубокія сочиненія Дитцеля [2]) тоже много послужили для улучшенія систематики.

И такъ, во всей Германіи замѣчается на поприщѣ нашей науки все развивающееся ревностное стремленіе къ изслѣдованію. И хотя, конечно, ни одна изъ изложенныхъ системъ, ни полнаго индивидуализма, ни еще менѣе ей противоположнаго крайняго соціализма, не можетъ предъявлять требованій на полное обладаніе истиной, но всетаки *приближеніе* къ истинѣ достигнуто борьбой

[1]) См. теперь Handbuch Шёнберга, 1 часть.

[2]) Jahrl. f. Nat. u. Statistik. 1883—84.

этихъ двухъ системъ и попыткой, сдѣланной къ примиренію ихъ новою органической политической критической экономіей. „Надо цѣнить", говоритъ В. Рошеръ, „у фритредеровъ ихъ умѣніе обращаться съ абстрактнымъ методомъ, что такъ полезно во всякой предварительной теоретической работѣ, ихъ презумціи свободы и самопомощи, этихъ необходимыхъ шпоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ узды практики, ихъ вниманіе къ хозяйственнымъ интересамъ, ихъ вѣру въ безконечность прогресса, а у соціалистовъ ихъ безпощадную критику всѣхъ хозяйственныхъ отношеній и учрежденій". За приверженцами же историческаго и соціально-политическаго направленія надо признать за заслугу ихъ разумное стремленіе къ реальному познанію вещей, ихъ настаиваніе на относительности всѣхъ хозяйственныхъ условій, ихъ этическое пониманіе науки, ихъ стремленіе къ сохраненію постояннаго соціальнаго мира въ государствѣ и обществѣ. И хотя въ послѣднее время, подъ вліяніемъ борьбы политическихъ мнѣній и измѣнившагося направленія законодательства, противоположность экономическаго либерализма и соціально-политическаго направленія, названнаго именемъ „государственнаго соціализма", значительно обострилась, все-таки надо надѣяться, что еще молодая наука политической экономіи,

вынесетъ изъ этой борьбы только пользу, конечно, на благо и успѣяніе нашего отечества.

3. Вліяніе историко-этической школы на народно-хозяйственную политику въ Германіи.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: обладаютъ ли идеи историко-этической (органической) экономической школы достаточной жизненностью, чтобы, какъ нѣкогда Смитіанизмъ, оказать соотвѣтствующее вліяніе на государственную практику, на хозяйственное законодательство и на управленіе Германіей. Мы думаемъ, что теперь безъ всякаго сомнѣнія можно отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важный переворотъ совершился по иниціативѣ одного изъ величайшихъ политическихъ умовъ нашего столѣтія—князя Бисмарка.

Уже всемірный кризисъ 1873 года вызвалъ все увеличивавшееся движеніе, цѣлью котораго было, первоначально, по крайней мѣрѣ, измѣненіе *таможенной* политики; требовали ограниченія свободы торговли и повышенія охранительныхъ пошлинъ для предметовъ внутренняго производства. Къ этому требованію большей части промышленности присоединились и сельскіе хозяева,

которые тоже страдали отъ конкурренціи большихъ земледѣльческихъ государствъ — Россіи, Венгріи и Сѣверной Америки [1]). Въ непродолжительномъ времени образовался промышленно-земледѣльческій союзъ съ цѣлью измѣненія нашего таможеннаго законодательства въ смыслѣ болѣе сильной охраны народнаго труда. Это движеніе исходило главнымъ образомъ изъ среды желѣзной промышленности, которая сильно пострадала отъ послѣднихъ мѣръ, клонившихся къ свободѣ торговли, отъ закона 1873 года объ освобожденіи или по крайней мѣрѣ пониженіи пошлинъ на желѣзо и желѣзные товары. Добивались главнымъ образомъ отмѣны этого закона. Такъ какъ въ 1877 году кончался срокъ дѣйствія цѣлаго ряда таможенныхъ и торговыхъ договоровъ, а именно съ Австріей, то и надѣялись на автономное регулированіе таможеннаго тарифа въ смыслѣ окончательнаго уничтоженія системы свободной торговли. Уже послѣ выборовъ 1877 года оказалось, что и народные представители не противъ измѣненія хозяйственной политики. Первымъ значительнымъ проявленіемъ этого настроенія было

[1]) Подробное изложеніе этого важнаго вопроса находится въ сочиненіи Л. фонъ Штейна: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“ Штуттгартъ. 1881, 8.

заявленіе, сдѣланное представителями различныхъ партій 23 марта 1877 года: „въ виду того, что таможенное законодательство нѣмецкой имперіи во многомъ не соотвѣтствуетъ основнымъ положеніямъ справедливой и цѣлесообразной налоговой системы, и что отъ этого страдаютъ промышленность и сельское хозяйство, мы приглашаемъ имперское правительство изслѣдовать состояніе производства и сбыта нѣмецкой промышленности и сельскаго хозяйства и до окончанія этого изслѣдованія не заключать торговыхъ договоровъ". Что подобная же перемѣна во взглядахъ совершалась и въ средѣ самого правительства, доказываетъ удаленіе того человѣка, имя котораго было неразрывно связано съ той хозяйственной политикой, которая велась до этихъ поръ, Reichskanzleramts-präsident Дельбрюка въ апрѣлѣ 1878 года. Уже въ декабрѣ 1878 г. послѣдовало учрежденіе коммиссіи для пересмотра тарифа. Правительство рѣшилось внять жалобамъ промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ; были произведены изслѣдованія положенія въ Германіи желѣзной, хлопчато-бумажной и полотняной промышленности, а также воздѣлыванія табака, его фабрикаціи и торговли имъ. Князь Бисмаркъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ провести цѣлую *налоговую реформу* съ соціальной точки

зрѣнія, о чемъ имѣется предварительный докладъ реформы, прочтенный на конференціи нѣмецкихъ министровъ финансовъ въ Гейдельбергѣ (лѣтомъ 1878 года).

Поворотъ въ исторіи хозяйственныхъ реформъ образуетъ знаменитое *письмо имперскаго канцлера къ союзному совѣту отъ 15 декабря 1878 года*. Это письмо можно разсматривать какъ *программу канцлера* для *его новой хозяйственной политики*, хотя на первомъ планѣ поставлена была фининсовая реформа, т. е. „облегченіе прямой податной тяжести посредствомъ увеличенія доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ. Только на второмъ планѣ должно быть поставлено улучшеніе финансовой системы посредствомъ пересмотра таможеннаго тарифа. Главнѣйшимъ является при пересмотрѣ тотъ принципъ, что должна быть вновь установлена *всеобщая пошлина на весь ввозъ*, за нѣкоторыми исключеніями для сырыхъ продуктовъ, система, которая, какъ выражается письмо, „и въ народно-хозяйственномъ отношеніи не можетъ быть оспариваема". „Я оставляю открытымъ", пишетъ князь Бисмаркъ, „вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли Германіи состояніе полной, взаимной свободы международной торговли, какъ этого требуетъ теорія свободной торговли. Но пока большинство

странъ, съ которыми мы должны вести торговлю, защищено пошлинами и стремится къ дальнѣйшему возвышенію ихъ, мнѣ кажется справедливымъ и необходимымъ для хозяйственной выгоды страны, чтобы мы не останавливались при удовлетвореніи нашихъ финансовыхъ потребностей передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ нѣмецкіе продукты будутъ имѣть меньшее преимущество предъ иностранными". И въ тронной рѣчи новый тарифъ былъ возвѣщенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я считаю своимъ долгомъ содѣйствовать тому, чтобы по крайней мѣрѣ нѣмецкій рынокъ былъ бы настолько сохраненъ для національнаго производства, насколько это совмѣстно съ нашими общими интересами, и чтобы, сообразуясь съ этимъ, наше таможенное законодательство вновь бы сблизилось съ тѣми знаменитыми основаніями, на которыхъ покоилась достопамятная дѣятельность таможеннаго союза въ теченіе почти полустолѣтія, и которыя были оставлены въ существенныхъ чертахъ нашей торговой политикой съ 1865 года". Я не вижу, чтобъ съ этимъ поворотомъ нашей таможенной политикѣ ощущались какіе нибудь дѣйствительные успѣхи. Данный такимъ образомъ пароль объ усиленномъ покровительствѣ народнаго труда нашелъ и въ рейхстагѣ благопріят-

ный пріемъ, какъ это видно изъ заявленія 204 членовъ рейхстага, слѣдовательно — большинства. Плодомъ всего этого движенія былъ новый автономный тарифъ Германской имперіи отъ 15 іюля 1879 года, характерною особенностью и силой котораго является весьма умѣренное, но въ интересахъ національнаго производства, особенно сельскихъ рабочихъ, обложеніе *необходимыхъ предметовъ потребленія* и питанія (каковы пошлины на хлѣбъ, скотъ, керосинъ и дрова), согласно требованіямъ системы умѣренныхъ охранительныхъ пошлинъ.

Послѣ двухъ злодѣйскихъ покушеній, направленныхъ на жизнь нашего, всѣми любимаго маститаго монарха въ 1878 году, имперское правительство нашло себя вынужденнымъ, для борьбы съ угрожающими существованію государства и общества стремленіями соціалъ-демократіи, издать репрессивный законъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выступить съ *положительными соціальными реформами*, потому что только этимъ путемъ, хотя и медленнымъ, можно лишить соціалъ-демократію почвы для ея агитаціи. Но и на этомъ, единственномъ ведущемъ къ цѣли пути, господствующія до сихъ поръ партіи не могли единодушно пойти на встрѣчу стремленіямъ имперскаго канцлера. Хотя обстоя-

тельства настойчиво требовали сильнаго государственнаго вмѣшательства сверху, такъ какъ путь естественнаго развитія былъ бы слишкомъ медленъ по отношенію къ современнымъ событіямъ, консервативныя въ хозяйственномъ отношеніи партіи (либеральная и особенно прогрессивная), стоящія подъ знаменемъ идеи правоваго государства и принципа laisser-faire, сопротивлялись стремленію дать государству большое вліяніе въ хозяйственныхъ и соціальныхъ дѣлахъ, чѣмъ то требовалось по воззрѣніямъ индивидуальной школы. Не смотря на эту оппозицію, князь Бисмаркъ, вѣрный своему плану, шелъ впередъ со свойственной ему энергіей безошибочно по пути соціально-политическихъ реформъ, чему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служатъ: пересмотръ ремесленнаго, возникновеніе соціально-налоговаго законодательства, торговыхъ и таможенныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ бо́льшему охраненію народнаго труда, изданіе законовъ о фабричныхъ и госпитальныхъ кассахъ и наконецъ положенное начало къ всеобщему страхованію рабочихъ. Основныя черты этой политики всего яснѣе обрисованы въ открывшемъ собой новую эпоху „императорскомъ *посланіи* къ рейхстагу отъ 17 ноября 1881 г.“ Устами своего великаго совѣтника высказалъ импе-

раторъ свое убѣжденіе въ томъ, что исцѣленіе соціальнаго недуга должно произойти не путемъ исключительно только подавленія соціалъ-демократическихъ стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *положительными* мѣрами, направленными ко благу рабочаго класса. „Мы считаемъ нашимъ императорскимъ долгомъ", говорится въ этомъ посланіи, „опять напомнить рейхстагу эту задачу, и мы съ чувствомъ удовлетворенія взирали бы на всѣ успѣхи, которыми Богъ явно благословилъ наше царствованіе, если бы мы могли достигнуть убѣжденія, что доставили отечеству новое и продолжительное ручательство его внутренняго мира, а нуждающимся въ помощи бо̀льшую безопасность и помощь, на которую они надѣются". Справедливо выражаются, что нашъ императоръ далъ въ этомъ посланіи свое соціально-политическое завѣщаніе народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ это посланіе ясно и опредѣленно соотвѣтствуетъ соціальнополитическимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ, традиціямъ, которыя сдѣлали великими Прусское государство и Германію [1]).

---

[1]) Эти къ отдаленному прошлому восходящія соціально-политическія и народно-хозяйственныя стремленія прусскихъ королей являются еще нетронутымъ полемъ для изслѣдованія, полемъ, которое было изслѣдовано почти одной капитальной, покоющейся боль-

4. Народное и всемірное хозяйство.

Если мы примемъ отдѣльные народно-хозяйственные организмы въ свою очередь за члены всего хозяйственнаго космоса, то мы получимъ высшее понятіе еще болѣе обширнаго организма, охватывающаго всѣ культурныя государства, а именно понятіе всемірнаго хозяйства.

Какъ отдѣльный человѣкъ развиваясь, пріобрѣтаетъ все большую возможность принимать участіе въ процессѣ общенія, такъ растетъ и способность государства къ общеніи съ развитіемъ его культурныхъ силъ. Человѣкъ, стоящій на высшей степени развитія, схватываетъ и перерабатываетъ каждую новую мысль и этимъ путемъ входитъ во все большій и большій кругъ человѣческаго общенія. То же явленіе замѣчается въ государствѣ, какъ національно - хозяйственной группѣ: при повышеніи его культуры расширяется міровое общеніе, изъ ихъ взаимныхъ хозяйственныхъ отношеній образуется всемірное хозяйство.

И всемірное хозяйство покоится также на

шей частью на архивныхъ источникахъ талантливой работой Г. Шмоллера. Въ моей „Geschichte der preussischen Handwerkerpolitik“ (I томъ — „Die Handwerkerpolitik des Grossen Kurfürsten und Künig Frierich's I“, Минденъ, изд., J. K. K. Брунса, 1884 г.), я попытался слѣдовать по пути, намѣченному работами Шмоллера.

раздѣленіи труда, которое, какъ и въ національномъ хозяйствѣ, предполагаетъ подразумѣваемый урегулированный обмѣнъ цѣнностей и услугъ и оно имѣетъ свой—всемірный рынокъ. Этотъ хозяйственный оборотъ зависитъ отъ тѣхъ же факторовъ, которые дѣйствуютъ во всякомъ оборотѣ, прежде всего отъ правовой безопасности, которая находитъ свое выраженіе въ формахъ международнаго нрава а затѣмъ отъ тѣхъ мѣропріятій и техническихъ учрежденій, которыя дѣлаютъ возможной встрѣчу потребителя съ производителемъ для обмѣна цѣнностей или услугъ, т. е. средствъ транспортированія и путей сообщенія.

Никогда ни одно столѣтіе не работало такъ много надъ усовершенствованіемъ средствъ сношеній, ни одно столѣтіе не было такъ богато остроумными открытіями и усовершенствованіями, геніальными организаціонными талантами, а также реальными результатами, которые распространились далеко за народныя и государственныя границы, какъ нашъ вѣкъ пара и электричества. Теперь живущему человѣчеству удалось, преодолѣть свою ограниченность въ пространствѣ и времени въ такой степени, въ какой никогда прежде это не удавалось и достигнуть громаднаго избавленія человѣчества отъ низшей культурной работы. Не удоволь-

ствовались тѣмъ, что подняли на возможно-высшую степень совершенства средства общенія въ границахъ отдѣльныхъ государствъ, но въ то же время и тоже исключительно въ теченіе нашего столѣтія положили серьезное начало однообразію организаціи средствъ общенія въ предѣлахъ всемірнаго хозяйства. Созданный въ главныхъ чертахъ благодаря геніальной инціативѣ одного человѣка, теперь главы нѣмецкаго имперскаго почтоваго дѣла, доктора Стефана, и содѣйствію созванныхъ знающихъ дѣло представителей главныхъ культурныхъ государствъ, всемірный почтовый союзъ открылъ въ 1874 году свою дѣятельность, послѣ долгихъ подготовительныхъ работъ, союзъ, который пересоздалъ древнѣйшее и важнѣйшее средство сношеній — почту въ хозяйственный институтъ первостепеннаго значенія. Это событіе, которое открыло собой совершенно новый періодъ въ исторіи сношеній, и которое не останется безъ сильнаго вліянія на дальнѣйшую организацію всемірнаго хозяйства, заслуживаетъ съ нашей стороны нѣсколько болѣе подробнаго изложенія.

Обмѣнъ почтовыхъ посылокъ въ международныхъ сношеніяхъ былъ основанъ обыкновенно на договорахъ, которые заключались договаривающимися государствами смотря по нуждѣ, и отъ вре-

мени до времени возобновлялись или измѣнялись и дополнялись. Число подобныхъ договоровъ должно было вмѣстѣ съ расширеніемъ международныхъ сношеній въ послѣднее столѣтіе значительно увеличиться и вмѣстѣ съ тѣмъ получить упрощенное содержаніе, свести отдѣльныя разнообразныя постановленія къ извѣстнымъ положеніямъ. Это, вытекавшее изъ природы вещей развитіе, сообщило почтовымъ договорамъ въ ихъ существѣ извѣстную однообразную форму, которая могла легко навести на мысль о возможности созданія нормальнаго договора, регулирующаго наиболѣе важныя условія почтовыхъ сношеній между большимъ числомъ государствъ и даже частей свѣта.

Почтовое единство раньше всего должно было выразиться установленіемъ однообразныхъ вѣсовыхъ денегъ для писемъ, произведеній печати и товарныхъ образцовъ. Это было перенесеніе идеи однообразнаго національнаго тарифа на поприще международныхъ сношеній, идеи, громадная польза которой ясна безъ всякихъ поясненій, и противъ практическаго значенія которой нельзя было бы спорить, еслибы тутъ не было одного условія, неисполнимость котораго давно считалась доказанною. Этимъ условіемъ является плата за транзитъ, т. е. добавочная уплата иностранному государ-

ству, чрезъ которое посылка проходитъ, уплата, которая присчитывается къ вѣсовымъ деньгамъ, уплачиваемымъ за проходъ корреспонденцій внутри страны. Стоимость международной корреспонденціи слагается изъ внутренней вѣсовой таксы плюсъ транзитная плата; кто поэтому захочетъ нивеллировать почтовую таксу, тотъ долженъ разрѣшить вопросъ о платѣ за транзитъ и долженъ или совсѣмъ устранить ее, или уменьшить путемъ простаго вознагражденія за общіе расходы по пересылкѣ корреспонденціи. Идеаломъ, конечно, является полная безвозмездность транзита при полной его свободѣ. Между тѣмъ какъ вторая признана всѣми, данные опыты свидѣтельствуютъ что государство можетъ при обычныхъ условіяхъ уравнить расходы по транзиту иностранной корреспонденціи увеличеніемъ доходовъ отъ своей корреспонденціи, отправляемой транзитомъ чрезъ иностранныя государства Но особенное географическое положеніе извѣстной страны можетъ повести къ тому, что она будетъ пропускать чужой транзитъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ сама воспользуется имъ, и что ея издержки и труды по перевозкѣ чужой корреспонденціи черезъ свои предѣлы превзойдутъ издержки и труды другихъ государствъ по пересылкѣ и передачѣ ея собственной корреспонденціи. Въ такомъ

положеніи находится напр. Бельгія, лежащая между двумя большими государствами, въ перекрестномъ пунктѣ европейскихъ почтовыхъ сношеній. Бельгійскіе представители на бернскомъ всемірномъ конгрессѣ указали на то, что ихъ собственная заграничная корреспонденція въ громадномъ большинствѣ (95%) идетъ прямо въ сосѣднія государства, такъ что транзитъ чрезъ иностранныя государства весьма не великъ между тѣмъ какъ Бельгія принуждена пересылать иностранную корреспонденцію (1873) въ громадномъ количествѣ, среднимъ числомъ 2.500 килограммовъ писемъ и произведеній печати въ день, что ей обходится въ годъ около милліона франковъ. И Германія, какъ указывалъ въ свое время въ рейхстагѣ докторъ Стефанъ (16 мая 1871 г.), тоже принуждена, вслѣдствіе своего центральнаго положенія, должна приносить значительныя жертвы для великаго дѣла и ради благотворныхъ послѣдствій всеобщаго почтоваго единства, ведущаго къ умноженію всемірныхъ сношеній. Всѣ эти соображенія относятся особенно къ морскому транзиту, такъ какъ тутъ посылка своей и полученіе чужой корреспонденціи еще менѣе покрываютъ другъ друга, чѣмъ въ сухопутномъ транзитѣ.

Рядомъ съ принципомъ безвозмездности транзита и его значеніемъ для измѣненія системы оплаты

международной корреспонденціи не могъ быть предметомъ разногласія и считался имѣющимъ заранѣе обезпеченное согласіе всѣхъ участвующихъ принципъ свободы транзита, уже давно существующій на дѣлѣ, т. е. заранѣе выговариваемое государствами право вступать черезъ границы другого государства въ прямой обмѣнъ корреспонденціи съ третьими. Этотъ принципъ свободы транзита былъ признанъ еще въ послѣднее время, а именно при заключеніи германо-французскаго почтоваго договора 12 февраля 1872 года. Такимъ образомъ 2 краеугольныхъ камня, на которыхъ предстояло возвести зданіе реформы международныхъ почтовыхъ сношеній, были однообразная плата и безвозмездность, т. е. уравненіе транзита.

Съ чрезвычайной ясностью и силой эти два момента были выставлены въ запискѣ генералъ-почтмейстера въ 1868 г., какъ главныя цѣли имперскаго почтоваго управленія. Принявъ за основаніе своихъ дѣйствій умѣренную плату за внутреннюю корреспонденцію, свободу транзита и распредѣленіе платы по принципу компенсаціи, записка эта предлагаетъ обратить въ одинъ почтовый союзъ государства Европы, Азіатскую Россію, Азіатскую Турцію, Египетъ, Алжиръ, Канарскіе острова, Мадеру, С.-А. Соеди-

ненные Штаты, Канаду и другія англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ и Гренландію. Въ началѣ 1869 года были приняты по отношенію къ иностраннымъ государствамъ дипломатическіе шаги, чтобы сдѣлать возможнымъ собраніе всеобщаго почтоваго конгресса. Но объявленіе франко-прусской войны помѣшало осуществленію великаго предпріятія; первые годы по заключеніи мира тоже не были благопріятны для возобновленія этого плана. Только по заключеніи, 12 февраля 1872 г., вышеупомянутаго почтоваго договора съ Франціей могли быть вновь начаты переговоры о всеобщемъ почтовомъ конгрессѣ, которые на этотъ разъ и привели къ желанному результату. Послѣ того какъ Швейцарія, по просьбѣ Германіи, согласилась принять участниковъ конгресса, были посланы приглашенія ко всѣмъ европейскимъ государствамъ и къ Соединеннымъ Штатамъ Америки—собраться къ 1 сентября 1873 г. въ Бернѣ. Къ приглашеніямъ былъ приложенъ нѣмецкій проектъ договора, составленный сообразно съ указаніями вышеупомянутой записки.

Это приглашеніе встрѣтило почти у всѣхъ правительствъ, — Франція еще въ теченіе 1873 года рѣшила принять участіе въ конгрессѣ,—благопріятный пріемъ; только Россія, предпринявшая

въ это время почтовую реформу, сочла для себя созывъ конгресса нѣсколько преждевременнымъ и пожелала отсрочки конгресса до сентября 1874 года. Это желаніе было исполнено и назначенъ новый срокъ. 15 сентября 1874 года собрался въ Бернѣ первый всемірный почтовый конгрессъ. На немъ засѣдали представители 22 государствъ.

Мы бы далеко вышли за рамки нашей задачи, еслибы захотѣли здѣсь дать отчетъ о затрудненіяхъ, которыя были преодолены въ Бернѣ [1]). Результатомъ дѣятельности конгресса было учрежденіе всеобщаго почтоваго союзнаго договора 9 октября 1874 года (или всемірнаго почтоваго союза, какъ онъ сталъ называться съ 1878 года). Этотъ институтъ создалъ для почтоваго дѣла хозяйственное и правовое единство, чего не достигли до тѣхъ поръ ни въ одной отрасли международныхъ сношеній, и сдѣлался учрежденіемъ высокаго культурнаго и политическаго значенія ибо почтовый союзъ разсматриваетъ все пространство принадлежащихъ къ нему государствъ, какъ одну почтовую страну, съ полной свободой почтовыхъ сношеній и возможно однообразной почтовой техни-

---

[1]) Ср. «Documents du congrès postal international réuni à Bern» 1875.

кой. Громадное протяженіе почтоваго союза, охватившаго съ самаго начала область въ 716,000 кв. миль или 37 милліоновъ кв. километровъ съ населеніемъ болѣе чѣмъ 350 милліоновъ, которому было доставлено благодѣяніе *чрезвычайно удешевленныхъ и облегченныхъ письменныхъ* сношеній (20 пфениговъ или 25 сантимовъ за простое письмо, 10 пфениговъ за открытое, 5 пф. за произведенія печати и образцы товаровъ вѣсомъ до 50 граммовъ). Дальнѣйшія улучшенія и значительное расширеніе союза послѣдовало на парижскомъ всемірномъ конгрессѣ 1878 года. Съ тѣхъ поръ число участвующихъ государствъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а организація все совершенствовалась. Наше время справедливо можетъ гордиться возможностью занести въ свои лѣтописи подобное дѣло, которое вмѣстѣ съ тѣмъ доказало рѣдкое единодушіе правительствъ всѣхъ культурныхъ государствъ. Но главную заслугу въ этомъ чрезвычайно важномъ культурномъ прогрессѣ исторія припишетъ Генриху Стефану, которому удалось посредствомъ оружія мысли открыть новый путь, ведущій къ осуществленію цѣлей истинной гуманности. „Союзъ, занимающій скромное мѣсто въ ряду великихъ политическихъ вопросовъ,

можетъ, не смотря на это, разсматриваться, какъ органическая клѣточка, которая подъ вліяніемъ теплоты, развивающейся отъ близкаго соприкосновенія народовъ и воздѣйствія свѣта нравственности способна вызвать къ жизни другіе подобные институты. Во всякомъ случаѣ онъ дѣлаетъ солидарность интересовъ крѣпкимъ связующимъ элементомъ; онъ въ особенности обусловливаетъ собой единеніе правительствъ и открываетъ дальнѣйшія перспективы на тему si vis pacem para concordiam" [1]).

На ряду съ однообразными средствами сношеній въ области почты, которыя объединили въ хозяйственномъ отношеніи разныя части свѣта, надо поставить международный телеграфный союзъ, впервые возникшій въ 1865 году, но теперь достигшій весьма значительнаго распространенія; его тоже можно разсматривать какъ средство проломить стѣны, разъединяющія національныя хозяйства. Сюда же относятся желѣзнодорожные конгрессы, стремленіе къ единству мѣръ и вѣсовъ, однообразіе образованія торговаго и кредитнаго права; можно надѣяться, что и на поприщѣ (Währungswesen)

---

[1]) Рѣчь доктора Стефана въ Рейхстагѣ.

денежнаго обращенія будутъ достигнуты подобныя же соглашенія. Такимъ образомъ всемірное хозяйство является высшимъ хозяйственнымъ организмомъ, который въ свою очередь дѣйствуетъ оживляющимъ и плодотворнымъ образомъ на свои отдѣльные члены и проводитъ въ жизнь высокіе идеалы человѣчества.

Но изъ-за этихъ космополитическихъ хозяйственныхъ стремленій человѣчества не слѣдуетъ забывать или пренебрегать естественнымъ производствомъ (Ausstattung) странъ для удовлетворенія потребностей. Напр., хотя всемірное хозяйство несомнѣнно стремится къ идеальной системѣ свободы торговли, естественная раздробленность отдѣльныхъ странъ ставитъ для своихъ ближайшихъ цѣлей и задачъ довольно часто извѣстныя ограниченія въ международномъ оборотѣ. Здѣсь можно указать на споры о свободной торговлѣ и охранительныхъ пошлинахъ. При современной постановкѣ этихъ великихъ вопросовъ въ теоріи, выборъ той или другой системы зависитъ отъ степени всего хозяйственнаго и культурнаго развитія, отъ политическихъ и соціальныхъ потребностей народа; политическая экономія, какъ искусственная система обусловливается, если можно такъ выразиться, есте-

ственной народной экономіей. Эта исходная точка зрѣнія, которая въ противоположность чистому космополитизму болѣе старой политической экономіи принимаетъ относительность всѣхъ хозяйственныхъ системъ, есть одно изъ существенныхъ пріобрѣтеній новѣйшей политической экономіи.

Latvijas Valsts Universitāte Zinātn. Bibliotēka 2